

~~IV~~ 137
~~IV~~ 28

Губернский
Библиотечный
№ 137

СТЕНОГРАФИЯ И МАШИНОПИСЬ

XX 191
101

13-24

№ 13-14

1929.

МОСКВА

Первый договор машинисток на социалистическое соревнование

Кто следующий?

Машинистки Новоросцемента (Ростов-на-Дону) вызывают на социалистическое соревнование машинисток Цементного треста в Москве.

УСЛОВИЯ СОРЕВНОВАНИЯ.

Работа машбюро может быть приравнена в некоторых отношениях к производственному цеху. Поэтому качество и количество выработки, использование машин и «сырья» должны быть положены в основу нашего соревнования.

Машинистки Новоросцемента вызывают машинисток Цементтреста на соревнование, поставив себе следующие задачи:

1. Срочность исполнения работ: телеграммы — от 3 до 10 минут. Письма «на руки» — 10 минут, письма «спешной почтой» — не позднее 2 часов с момента сдачи в машбюро.

2. Рациональное использование машинок и шопитров, бережное обращение с машинками, уход за машинками, своевременный ремонт и чистка их.

3. Наиболее экономное расходование бумаги с максимальным использованием макулатуры.

4. Максимальное продление срока пользования лентами для пишущих машин путем применения способа, предложенного машинисткой Соликамского отделения Госбанка тов. Смят. Пересмотр имеющегося запаса старых сухих лент (в Новоросцементе имеется значительный запас сухих лент «Союз», обычно годных для работы не более одной недели; при смазке ими можно пользоваться 1 месяц).

5. Минимальное расходование копирок.

6. По трудовой дисциплине машбюро — ни одного опоздания на работу, ни одного прогула, никаких частных разговоров во время работы.

Оценку работы в конце операционного года дает экономкомиссия.

Ждем ответа на наш вызов.

ПИСЬМО МАШИНИСТОК НОВОРОСЦЕМЕНТА К МОСКОВСКИМ ТОВАРИЩАМ.

Дорогие товарищи! Посылая вам наш вызов на социалистическое соревнование, сообщаем вам некоторые условия нашей работы и просим вас дать нам такие же сведения о вашей работе. Эти сведения нужны нам как для ориентировки в работе, так и для окончательного сравнения результатов нашего соревнования.

1. Наше машбюро состоит из 5 человек, в состав которых входит и старшая машинистка (стенограф).

2. Помещение для машбюро изолированное, просторное, светлое.

3. Машинки: 2 новые — «Ундервуд», и 3 старые — «Ремингтон». Все с большими каретками. Две резервные машинки — «Ундервуд» — одна с большой кареткой, другая с маленькой.

4. Имеется 4 шопитра Оргстроя.

5. Имеется стеклогрaф. Но так как на стеклографе работает по совместительству делопроизводитель общего отдела, то мы его не включаем в наш договор. Считаем, что наличие у вас шапирографа (просмотрели бюллетень Цементтреста, присланный нам) ставит вас в одинаковые с нами условия.

6. Штат машбюро составляет к общему числу сотрудников Новоросцемента 6,02%.

Ожидаем ответа на наш вызов, а также просим сообщить нам о вашей работе, о рационализаторских мероприятиях в машбюро.

С товарищеским приветом
машинистки Новоросцемента:
Ключкина, Литвинова, Центнершвер и Готская-Данилович.

Тов. О. Силецкая (г. Павлов, Нижегород. губ., Метартельсоюз) вызывает всех машинисток города ликвидировать к 12-й годовщине Октября неправильное печатание на машинке и перейти на слепой десятипальцевый метод.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА СМ. НА 3-Й СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ.

СТЕНОГРАФИЯ И МАШИНОПИСЬ

ЦК
ПРОФСОЮЗА
СОВТОРГСЛУЖАЩИХ

Июль № 13—14

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

Год издания седьмой

1929

Первое и шестое августа

Первое августа — Международный Красный день — день массового протеста трудящихся всего мира против подготовки империалистическими государствами новых войн.

Реальная опасность этих войн с очевидностью вытекает из непримиримых противоречий крупнейших стран капитала между собой и из бешеной ненависти их всех против СССР.

Опыт мировой войны, не ослабивший ни на йоту борьбу за мировое господство, ничему не научил государства капиталистического мира. Они забыли уже свои утверждения, что минувшая война — «последняя», и, непрерывно вооружаясь, готовы вновь в подходящий момент бросить на взаимное уничтожение подвластные им народные массы.

С другой стороны, неудача первой интервенции против СССР не лишила мировую буржуазию надежды рано или поздно сломить страну строящегося социализма. Обнаружившаяся безуспешность экономического давления усиливает в последние годы стремление к прямому вооруженному нападению на СССР.

В этих своих намерениях мировая буржуазия вынуждена с каждым годом считаться все больше и больше с растущей силой и сплоченностью пролетариата. Боязнь его массовых выступлений, могущих легко перерасти в революцию, не раз удерживала в прошлом и удерживает сейчас готовый обрушиться на соседней или потянуться к СССР бронированный кулак.

Демонстрацией своих сил и своей воли к миру в Международный Красный день 1 августа мировой пролетариат и вместе с ним пролетариат СССР напоминают вновь капиталистам, что они не хотят и не допустят ни новой мировой войны, ни попытки вооруженного нападения на СССР.

Но мы, трудящиеся СССР, не можем только рассчитывать на поддержку с Запада.

Всемерно укрепляя братские связи с пролетариями всех стран, мы должны готовить и свои собственные силы и средства для защиты своих завоеваний, добытых тяжелыми жертвами, и для обеспечения мирного строительства хозяйства на социалистических началах.

Технической мощи капитализма, его сильнейшей индустрии мы должны противопоставить свою технику, свою социалистическую индустрию. Скорейшая индустриализация СССР — это необходимое условие социалистической перестройки хозяйства — становится, кроме того, в период непосредственной военной угрозы основной задачей обороны. Именно поэтому на новую попытку империализма вызвать СССР на вооруженное столкновение (захват Китайско-Восточной железной дороги) трудящиеся массы СССР ответили единодушным требованием ускорить индустриализацию страны, вложить в нее новые средства, охотно уделяемые трудящимися из своего заработка.

3-й заем индустриализации, постановка вопроса о выполнении пятилетнего плана в четыре года, — вот первые конкретные результаты коллективной воли и энтузиазма, охватившего пролетарские массы.

В общей пролетарской семье служащие в отношении политической сознательности и политической активности стоят псади рабочих. Что касается работников стенографического и машинописного труда, то большинство их в политическом отношении пассивны и заражены обывательскими настроениями «нейтралитета». Участие этого большинства в политической жизни все еще остается по преимуществу внешним, механическим. Это участие — посещение собраний, участие в демонстрациях, денежные отчисления — все это нередко еще выполняется как привычная обязанность во избежание упреков в необщественности, а то и прямой опасности при сокращении штатов или чистке.

Однако передовая часть служащих далека от этих настроений. И эта лучшая часть непрерывно увеличивается. Развитие союзной общественности, в частности и среди стенографов и машинисток, вовлечение многих из них в активную работу по улучшению советского аппарата показывают, что и эти отсталые слои начинают сознавать себя участниками великого дела, совершающегося впервые в мировой истории в СССР. А осознав это, уже нельзя оставаться пассивным наблюдателем, покупающим свой нейтралитет выполнением формальных обязанностей. Осознав это, нужно подчинить свои мелкие преходящие личные интересы целям и задачам всего класса в целом — задачам борьбы за будущее.

Пролетариат СССР добровольным отказом от отдыха 6 августа устанавливает новый революционный праздник — «День индустриализации». Этот день будет новым доказательством на деле, что массы готовы отдать свои силы строительству социализма. Этот день будет пробным камнем для той все уменьшающейся части служащих, которые не вышли еще из состояния «нейтралитета».

В этот день каждый сознательный служащий образцовой трудовой дисциплиной, максимальной энергией и инициативой в выполнении своего дела и в улучшении работы своего учреждения должен принести реальную пользу социалистическому строительству и своим примером увлечь всех «нейтральных», колеблющихся и обывательски пассивных.

К этому мы призываем и всех читателей нашего журнала.

Итоги конференции-курсов

Происходившая с 26/VI по 2/VII всероссийская конференция преподавателей административной техники, стенографии, машинописи и русского языка открывает новую эру на этом участке образования.

Уже самый факт созыва конференции Главпрофобром при активном участии ЦК Совторгслужащих и НК РКИ указывает на то, что от периода кустарного развития курсов подготовки канцелярских работников, периода, означавшего по существу монополию частника, мы переходим к организованному и планомерному развертыванию этого вида образования, переходим к огосударствлению его.

Такой переход сейчас необходим не только потому, что до сих пор еще мы наблюдаем стихийную подготовку канцелярских работников, выбрасываемых на рынок труда без всякого учета действительной потребности в них и без всякого соответствия с требуемым рынком качеством.

Решительный перелом в этой области особенно необходим потому, что перед курсами сейчас встали задачи огромной политической важности — задачи осуществления решений XVI Партконференции в части повышения квалификации и переподготовки служащих. Эту задачу нельзя конечно, отдать в руки частных курсов. Не могут ее выполнить без некоторой перестройки и существующие ныне государственные и союзные курсы, которые, не получая достаточной материальной и моральной поддержки от органов ОНО и союза, принуждены в значительной мере сохранять приемы и методы «частника» в деле постановки преподавания.

Чем, в самом деле, отличаются союзные курсы стенографии в Самаре от каких-либо частных курсов, когда они, по требованию правления союза совторгслужащих, сливают повышенную и пониженную группу в одно целое, сводя тем самым на-нет всю

методическую работу курсов и дискредитируя дело поднятия квалификации в глазах служащих.

Чем, как не делячеством, не голым стремлением «к хозрасчету» можно объяснить «реформу», имевшую в этом году место на Высших государственных курсах в Москве: проведение для всех групп служащих «единой» системы — Габельсбергера — Крулева, несмотря на то, что эта система не доказала своего первенства над другими системами.

А практикующиеся на многих курсах отклонения от учебного плана, сокращение часов преподавания по отдельным предметам с целью окупить группу?

Вся сумма этих организационных моментов встала перед конференцией, которая высказалась за решительное закрытие частных курсов, но вместе с тем обратила внимание Главпрофобра на то, что недочеты в постановке преподавания на курсах смогут быть изжиты только при установлении твердого бюджета курсов.

Ответственная политическая задача по улучшению работы аппарата, вставшая перед курсами повышения квалификации служащих, подняла всю работу конференции на большую политическую высоту.

Стремление к здоровому плановому началу в работе курсов прозвучало не только в постановлениях, требующих прекращения подготовки ненужной рабочей силы и закрытия частных курсов, но и в постановлениях, касающихся более сложных и спорных проблем. Конференция одобрила мероприятия государственных и союзных органов по разработке единой системы стенографии и стандартной клавиатуры пишущей машины и потребовала ускорения этих работ и решительного проведения результатов их в жизнь.

Задачи, стоящие перед курсами переподготовки служащих, так велики, что это, в свою очередь, предъявляет огромные требования к преподавателям, берущимся за это ответственное дело.

Конференция потребовала от преподавателя, чтобы он в совершенстве знал преподаваемый им предмет, учитывая все последние достижения в этой области, чтобы он знал, как этот предмет увязывается со всеми остальными предметами учебного плана, каков удельный вес его среди этих предметов, чтобы он изучил производственную жизнь учреждений и применение преподаваемого им предмета на практике, чтобы он умел

приспособить методику преподавания к силам, способностям и возможностям утомленного работником служащего.

Но этого мало. Конференция потребовала от преподавателя, чтобы он вышел из своей цеховой скорлупы, чтобы он заглянул за пределы преподаваемого им предмета, чтобы он активно участвовал в формировании нового работника аппарата, призванного бороться с волокитой и бюрократизмом, работника-рационализатора, знающего не только сегодняшнее, но и завтрашнее слово техники и умеющего повести аппарат за собой.

Преподаватель должен всячески содействовать созданию общественного облика нового работника, толкать его к участию в экономработе учреждения и в тех случаях, когда слушатель отвечает требованиям, предъявляемым к работникам нового типа, следить за его продвижением в учреждении.

Трудности, стоящие перед курсами переподготовки канцелярских работников, велики. Эти трудности и в недостатке средств, и в недостатке квалифицированных преподавателей, и в отсутствии хороших учебных и наглядных пособий, и главное, в косности учреждений и самих служащих, зачастую думающих, что они в повышении квалификации не нуждаются.

Конференция выявила все эти трудности и наметила пути для их изживания.

Вместе с тем конференция сообщила делегатам ряд знаний по линии методической и рационализаторской.

Наконец, конференция, — и в этом ее самое большое значение, — дала работникам административной техники, машинописи, стенографии и русского языка такую политическую зарядку, настолько активизировала их общественную сознательность, что в их лице мы найдем энергичных застрельщиков и толкачей на фронте переподготовки служащих.

Таковы огромные результаты I-й всероссийской конференции-курсов преподавателей, прошедшей под знаком выполнения директив XVI партконференции. Эти результаты дают нам уверенность в том, что при развертывании активности со стороны курсов и при надлежащей поддержке органов профобра и союза все трудности в деле повышения квалификации канцелярских работников и улучшения работы соваппарата будут преодолены.

Рационализация госаппарата и повышение квалификации канцелярских работников

Доклад представителя ЦК союза совторгслужащих т. Селезнева

Среди ряда ведомств и организаций, занятых борьбой за качество аппарата, видное место занимает наш союз, как организация, объединяющая подавляющее большинство работников советского и управленческого аппарата.

Особое место в системе союзной работы по повышению квалификации занимает работа о канцелярско-техническом аппарате.

Вот почему н/союз принял ближайшее участие в созыве конференции преподавателей стенографии, машинописи и административной техники.

Пятилетка по повышению квалификации служащих

Наш аппарат, как это признал IV пленум ЦКБ, очень часто отвратительно выполняет советские законы. Волокита, косность, грубость с посетителями, бесконечное «приходите завтра», бумага вместо практического дела, формальные отписки вместо ответа по существу, — эти свойства до сего времени характеризуют значительную часть нашего аппарата.

Нельзя не признать, что одной из причин этих дефектов является далеко еще не удовлетворительный состав аппарата: значительная прослойка старого чиновничества, чуждого советской власти, большое число людей, оторванных от рабочего класса, людей, мешающих бороться с волокитой, просто лентяев и даже саботажников и вредителей — бесспорный факт. Но помимо этих злостных вредителей и бюрократов, немалую роль играет низкая квалификация аппарата, слабая его восприимчивость к новым культурным методам работы.

Необходима беспощадная борьба за рационализацию, за усвоение техники управления более культурных государств, за образцовую постановку техники работы аппарата — против бюрократического сопротивления обновлению и упрощению аппарата. Необходимо внедрение машинописи, стенографии, усовершенствованных счетных машин в государственный и общественный

аппарат. Эти гигантские задачи могут быть выполнены лишь при условии резкого и быстрого подъема сноровки и деловой квалификации кадров, занятых в аппарате.

Вот почему прошедший VIII съезд союза выдвинул боевую задачу — охватить в течение ближайших 5 лет большинство служащих той или иной формой повышения квалификации. Съезд сказал, что за вычетом той прослойки молодежи и квалифицированных служащих, которая получила советскую выучку в вузах, техникумах, школах и курсах, за вычетом тех, кто отвечает растущим требованиям хозяйства, за вычетом их, вся основная масса служащих должна пройти советскую переподготовку.

Что мы имеем?

В свете этой задачи как слаба, как поистине ничтожна та живая сила, которая стоит сейчас перед нами, та сеть, которой мы располагаем сегодня.

Среди 10.000 учащихся курсов машинописи и стенографии работники аппарата занимают едва десятую часть. И это на 32.000 машинисток и стенографисток, занятых в госаппарате! Но мало того, что наличная сеть охватывает всего лишь 2-3% общей массы машинисток и стенографисток; работа наличной сети страдает рядом крупнейших недочетов.

Отсутствует сколько-нибудь достаточное программное и методическое руководство курсами на местах; аппарат Профобра, и без того крайне слабый, уделяет свое внимание преимущественно индустриально-техническому образованию, оставляя обычно вне поля зрения нашу промышленно-экономическую систему. Между тем потребность в руководстве ощущается в этой системе с гораздо большей остротой, ибо именно в области промышленно-экономического образования особенно велика струя частной инициативы, сеть частных предпринимательских курсов, стремящихся уйти из-под государственного контроля и общественного вмешательства.

Слаба, далее, связь программ и практической работы курсов с конкретными производственными задачами объединяемых курсами учреждений. Курсы зачастую работают по старинке, не откликаются на то новое, что вырастает в работе аппарата.

Наконец, в работе курсов можно отметить признаки сползания подчас с четких классовых позиций в сторону узкого практицизма и делячества. В сети курсов по подготовке новой рабочей силы это проявляется в форме невнимания к социальному составу принимаемых, в форме погони за средствами. В работе курсов по повышению квалификации это находит свое отражение в виде узко-ремесленной постановки дела, тренировки служащих на ограниченном круге технических навыков, умаления и забвения воспитательной роли курсов.

Недаром известны случаи, когда служащие, в совершенстве овладевшие техникой работы, оказывались на завтра по окончании курсов, в решающий момент перестройки аппарата не в лагере смелых поборников, а в стане противников социалистической рационализации, саботирующих ее осуществление.

Профиль нового работника

Чтобы привести курсы в соответствие с крупнейшими задачами рационализации, мы должны существенным образом перестроить их практическую работу и целевую установку. Нужно подчинить работу курсов задачам классового воспитания служащих.

Что означает эта задача? Это значит — воспитывать служащих канцелярского аппарата в духе единства с рабочим классом, терпеливо разъяснять им и подчеркивать относительную их отсталость по сравнению с рабочим классом и причины этой отсталости. Это значит — бить по мелкобуржуазным влияниям и настроениям, свившим себе гнездо в отдельных звеньях канцелярского аппарата, по косности, необщительности, по общественной пассивности и обывательщине.

Мы должны добиться того, чтобы каждая машинистка и стенографистка знала роль и место своего учреждения в общей системе социалистического хозяйства, отчетливо понимала свою роль, свои задачи в этом учреждении.

Нужно поэтому преследовать не только цель узко-производственной тренировки по

машинописи, стенографии, делопроизводству, но и задачу воспитания сознательного участника всего производственного процесса, подлинного творца социалистического хозяйства.

Неотъемлемыми чертами производственно-политического профиля работника нового типа должны быть такие свойства: бережное хозяйственное отношение к оборудованию, к мелочам (пишущие машины, канцелярские принадлежности). Вне этой разумной бережливости не может быть расчетливого хозяина.

Желание всячески интенсифицировать, ускорить свой труд составляет вторую желательную черту. Вне гигантского подъема и напряжения всех производительных сил не могут быть решены наши строительные задачи. Деловая инициатива, живая производственная мысль, разрушающая всякий шаблон, ведущая вперед, также должна быть воспитана в канцелярском работнике нового типа. Эта черта может стать и станет важнейшим рычагом изобретательства и «саморационализации».

Товарищеское отношение к сослуживцам, т. е. уважение к старшему, более опытному товарищу, помощь начинающему служащему, ученику, здоровая классовая солидарность также должны быть созданы в массе работников.

Тяга к повседневному повышению квалификации, тяга, входящая в число навыков и «инстинктов» человека, поможет нам расчистить дорогу вверх для каждого служащего на завтра после окончания курсов и откроет ему дорогу к книге.

Умение связывать свое положение в производстве с интересами всего рабочего класса (при выборе профессии, при сокращении штатов), умение подчинить свои личные интересы интересам рабочего класса в целом составляет сущность классового воспитания и должно стоять во главе воспитательных задач курсов.

И наконец, развитие и поощрение духа здорового соревнования в работе, желания выполнить работу чище и скорей других — в противовес капиталистической конкуренции, основанной на возвышении одного и пригибании к земле многих, — должно стать могущественным рычагом работы аппарата, а значит, и звеном воспитательной работы курсов.

Нужно обучать завтрашнему дню техники

Перейду теперь к практическим задачам курсов в свете этой общей установки. Этот непрерывный процесс рационализации не позволяет нам ограничиться обучением служащих какому-либо одному, достаточному на сегодня, техническому приему работы. Нужен человек, способный быстро приспособляться к любым изменениям техники (новая клавиатура, электрическая пишущая машина, унитарная система стенографии, стенографическая машина и т. д.).

Поэтому переподготовка работников должна ориентироваться на длительный технический прогресс, а не только на сегодняшнее состояние техники или ее ближайшие изменения. Передко наши курсы учат «вчерашнему дню» административной техники. Мы должны сказать, что нам нужно обучать даже не сегодняшнему дню, а дню завтрашнему. Во-первых, потому, что за время пребывания учащихся на курсах сама практическая работа аппарата шагнет вперед; во-вторых, потому, что приходящий из учебного заведения человек должен не только стоять на уровне техники данного аппарата, но и быть на ступеньку выше, чтобы толкать вперед дело рационализации аппарата, чтобы служить глашатаем нового, чтобы увлекать за собой массу служащих. Противники этой точки зрения стоят, очевидно, за многократный охват служащих курсами переподготовки. Кажется ясно, что и экономически мы не можем вынести этой роскоши и организационно не в силах выполнить эту задачу.

Политобразование — не «закон божий»

Следующим по счету стоит вопрос о роли и удельном весе политического просвещения в системе работы курсов. Надо расширить, а не сужать общеполитические элементы в программе всех курсов по переподготовке. Для каждого сколько нибудь знакомого с условиями практической работы в учреждении ясно, что перегрузка вечерними занятиями на курсах столь высока, что говорить о дополнительном охвате этой категории работников политическими кружками и школами совершенно не приходится.

Конечно, если рассматривать политическое образование как своеобразный «закон божий», как заучивание статей консти-

туции и революционных дат, то особого греха в отсрочке на год-два, может быть, и нет, но если расценивать политическое образование как средство политической активизации служащего, ориентировки их в «злобе дня» и приобщения их к бьющей ключом политической жизни, то, конечно, такая изоляция служащих является недопустимой, политически вредной и ошибочной, особенно сейчас, в эпоху чистки аппарата, в трудных условиях социалистического наступления и растущего сопротивления капиталистических элементов!

Поднимать общественную активность

На ряду с политической квалификацией служащих мы должны развить общественную активность учащихся, как одно из могучих средств их классового воспитания; применение наиболее гибких методов, как, например, метода конкретных заданий по изучению структуры и отдельных операций своего учреждения; мы должны разумеется, связывать эти задания с учебным планом курсов. Мы должны поднять экономическую активность учащихся, сообщить им необходимый минимум знаний о хозяйстве и о экономической работе союза. Мы должны, примерно, рассказать им о борьбе союза за режим экономии, о нормировании труда, о влиянии внешней обстановки на производительность труда служащих, о том, как строится экономическая работа союза, о том, куда внести и как защитить предложение и изобретение, где и как можно продолжить повышение своей квалификации, что для этого читать.

Особенно важно при этом обеспечить служебное продвижение служащих, успешно окончивших курсы по переподготовке, приглашая хозяйственников на совещания по этому вопросу, обращаясь к хозорганам со специальными письмами от имени курсов, РКИ и союза, созывая периодически конференции оканчивающих курсы. Курсы должны взять под свое наблюдение идейный рост и служебное продвижение каждого отдельного учащегося.

Перед всей системой курсов встает нынче ряд общеклассовых задач. Большая бдительность, проверка при помощи курсов людей, работающих в аппарате, выявление чуждых, готовых работать против нас людей, всемерная помощь чистке госаппарата — такова первая задача; более тщательная проверка качества и классового лица нашего

Делегатки конференции преподаватели машинописи Н.-Новгорода.

преподавательского состава, решительный подъем его идейно-политического уровня — такова вторая задача и, наконец, более смелое вытеснение частного с позиций промышленно-экономического образования, на которых он особенно силен, составляет нашу третью задачу.

Курсы — очаги массовой работы

В области организационной и методической можно наметить такие ближайшие перспективы: мы должны, во-первых, принять действительные меры к расширению сети, крепче натянуть существующую сеть курсов, громче поднять перед лицом советской общественности голос работающих над поднятием качества канцелярского аппарата.

Нужно поставить массовую работу вокруг курсов с таким расчетом, чтобы курсы становились очагами распространения в массе служащих важнейших административно-технических знаний, базами исследовательской работы, созывая конференции учащихся

ся, организуя читательский актив вокруг журнала «Стенография и Машинопись», устраивая публичные лекции, организуя кабинеты. Затем нужно добиться теснейшей связи с хозорганами и РКИ. Для преодоления безразличного, обломовского отношения со стороны части хозяйственников нет никакого другого пути, кроме пути их органического вращивания в жизнь курсов, их привлечения к работе курсов, к испытаниям и методическим комиссиям. Выполнение этой задачи поможет также более решительно и энергично ставить перед хозорганами вопрос о перенесении на их плечи все большей доли расходов по содержанию курсов.

В настоящее время до половины всех курсов содержится за счет н/союза. В субсидировании остальных н/союз принимает значительное участие. Мы должны добиваться того, чтобы повышение квалификации рабочей силы, как и все другие начисления, возникающие при ее использовании, лежало на хозорганах. Наш союз уже поставил в текущем году задачу обеспечения новыми колдоговорами участия хозорганов в содержании курсов в половинной доле. Ваша задача — проверить на местах выполнение этого указания ЦК и добиться его включения в новые договоры.

Наконец, третья задача состоит в развитии обмена опытом между курсами и причем не только в той спорадической форме, какой является настоящая конференция, но и в повседневных его формах. Организация опытных курсов, специальное изучение их работы, перенесение успешного опыта на все курсы, практика взаимных обследований-экскурсий, переписка между работниками курсов, использование журнала, как всесоюзной трибуны, регулярный созыв курсов-конференций преподавателей, — таковы, примерно, формы осуществления этой задачи.

Работая на глухих и заброшенных участках третьего фронта, помните, товарищи, что вы являетесь не только просвещенцами в узком смысле этого слова, но и рационализаторами аппарата. Поднимайте выше знамя его социалистической перестройки, помогите бить бюрократа, растите нового человека!

Физиологические и гигиенические условия канцелярского труда

Доклад д-ра А. П. Бружеса

Мой доклад охватывает современные требования к труду, диктуемые рационализацией производства. Основная цель рационализации труда в повышении его эффективности путем устранения непроизводительной затраты времени и энергии.

В результате всех мероприятий по рационализации в нашем аппарате мы имеем уплотнение рабочего времени и повышение расходов энергии. Следовательно, мы должны создать условия, благоприятствующие быстрейшему и полному возмещению этой повышенной траты энергии.

Обычно рационализация касается содержания труда и не касается условий его. Поэтому на улучшение условий труда не обращается почти никакого внимания. Характерный пример: придя в маш. бюро, рационализатор прежде всего устанавливает учет продукции; это заставляет машинистку вступить в соревнование, тратить значительно больше энергии, а условия труда остаются прежними. Такая же картина на любом участке канцелярского труда.

В большинстве случаев приходится убедиться, что результат рационализации неустойчив, либо все очень быстро возвращается к прежнему состоянию, либо за счет повышения количества продукции ухудшается качество ее. Последнее имеет место ввиду, где условия труда неудовлетворительны.

Отсюда вывод: **всякая рационализация должна начинаться с удовлетворения санитарно-гигиенических требований**, и лишь на этой почве можно приступить к мерам рационализации процессов работы.

Гигиена труда — наука давняя и своей конечной целью имеет разработку мероприятий для максимального уменьшения профвредности данного труда. Для этого нужно определить сущность данного труда и его профвредность.

В области фабрично-заводского производства требования гигиены точно определены, обширны и строго соблюдаются; но в области канцелярского труда они чрезвычайно убоги. Существует энциклопедия гигиены на 5.000 страниц, из которых канцелярскому труду отведено 1½ страницы.

Значит ли это, что канцелярский труд безвреден? Конечно нет. Статистика дает ряд

характерных болезней — малокровие, искривление позвоночника, туберкулез, глазные заболевания и проч., — свойственных именно канцелярскому труду.

Что же нужно применить по отношению к данному труду, чтобы он был по возможности безвреден? Сложность в том, что канцелярский труд сборный и не отчетливо разгруппирован. Попытаюсь дать определение канцелярскому труду: в основном умственный, требующий большего или меньшего количества легкого физического труда, производимый в сидячем положении, в замкнутом помещении, требующий технических навыков, напряжения, внимания, понимания сложных операций, анализа, сопоставления, заключения и проч. Более детального и точного определения этого труда невозможно дать.

На основе такого определения можно дать некоторые общие указания, каким должно быть оборудование канцелярского помещения, чтобы в нем можно было работать. Эти требования сводятся к нескольким пунктам.

Поскольку канцелярский труд протекает в сидячем положении, должны быть разработаны **требования посадки и рабочего места** — на этот пункт до сего времени обращалось очень мало внимания.

Труд протекает в замкнутом помещении, стало быть, гигиена предьявляет **требования вентиляции**, объема воздуха, температуры, влажности, того, что составляет климат данного помещения; здесь дело обстоит лучше, имеются определенные указания: воздух должен обмениваться не меньше одного раза в час (мы знаем, что норма эта редко находит осуществление), приспособления для подачи свежего воздуха должны предусматривать сохранение одной и той же температуры. Установлено, что для работников канцелярского и вообще умственного труда наиболее пригодна температура до 15° по Цельсию.

Как в действительности подается свежий воздух? Либо через форточку во время перерывов — охлажденный воздух, либо весьма упрощенным способом через дверные щели из другого помещения — отработанный воздух. Говоря о подаче воздуха, мы имеем в виду отсасывание его, но именно отсасывание протекает у нас неправильно: воздух поступает либо отработанный, либо охлажденный.

Существует требование по отношению к влажности воздуха — от 40 до 60° полного насыщения влагой; это требование настолько широко, что под него подходит любое канцелярское помещение.

Требования, предьявляемые к канцелярскому помещению: высота не ниже 2½ м, верхний предел не указывается, так как выше 3½ м воздух уже не поступает и в обмене не участвует. Он представляет собой как бы воздушный потолок. В отношении площади существует определенная норма — 0,75 кв. м на человека; принимая во внимание огромную уплотненность помещений в Москве, эта кубатура является достаточной, но в части количества выдуваемого человеком воздуха и требования о ежечасном обмене эта кубатура не может удовлетворять. Требуется усиленная вентиляция.

Наиболее нуждающимися в обеспечении необходимыми условиями являются **требования освещения**, поскольку органы зрения наиболее утомляются от канцелярского труда. Свет должен падать с левой стороны без тени на рабочем месте; световая площадь должна быть такова, что глубина помещения должна быть не менее двойной высоты окна, расположенного на пол. Соотношение между световой площадью и площадью пола равно 1 : 5. Требования к искусственному свету могут быть точно нормированы приблизительно в 30—35 единиц освещения.

В отношении машинописи и стенографии чрезвычайно важным является устранение **шума**, на которое до сих пор гигиена канцелярского труда почти не обращала внимания.

Ничего не говорят гигиенические правила о соблюдении обязательного перерыва, о времени его и продолжительности.

Подходя к технической рационализации, необходимо точное соблюдение всех указанных условий — лишь в этом случае могут быть значительные результаты по повышению производительности труда.

Так как канцелярский труд представляет собой сборную категорию, необходимо определять форму утомляемости и вредности

Бюро секции по машинописи: слева направо т. Дерюгина (Саратов), т. Суханова (Ленинград), Веселовская (Москва), докладчики — Н. Дмитриевский (Москва) и И. Менделеев (Ленинград).

по каждой отдельной профессии. В Институте им. проф. Обухова, где изучались, главным образом, профболезни машинисток, и в Институте Техники Управления, который изучал внешние условия и режим труда с тем, чтобы выявить требования для максимального уменьшения утомляемости и наибольшей продуктивности, имеются уже обширные труды. Часть из них опубликована в журнале «Вопросы Стенографии и Машинописи» — в статьях д-ра Рабиновича о профзаболеваниях — и моих о борьбе с шумом, посадке и рабочем месте машинистки и режиме дня.

Исследования показали, что около 15% простоянного времени у машинистки тратится на роздых, распрямление от неправильной посадки. Поэтому мы потратили около года с лишним на детальное изучение посадки, постановки рук и каждого звена и пришли к определенному выводу о конструкции рабочего места машинистки. Возвращаю вас к указанной статье в журнале «Вопросы Стенографии и Машинописи».

В настоящее время мы детально изучаем производительность труда машинистки в зависимости от освещения, направления, силы и способов и можем констатировать, что нормы света, указанные для машинистки — 70 свет. ед., — мы считаем недостаточными и определяем их в 100—120 ед. Применение этих норм уже дало значительное повышение производительности и меньшее утомление для глаз. В американской и не-

мечкой литературе приходят к тем же выводам, но идут дальше нас и указывают 400 свет. ед. Не надо опасаться этой цифры, ибо дневное освещение в среднем имеет около 300—500 свет. ед.

Нами произведен целый ряд исследований о влиянии шума; до сих пор ему придавали значение как фактору, нагружающему нервную систему и напрягающему орган слуха, считали фактором лишь местного значения.

Американский исследователь Лердт показал, что расход энергии при машинописи в шумной обстановке на 30% выше, чем в тихой. Он помещал машинистку в особую камеру, куда не проникал никакой шум и стук машинки был заглушен. Этим он доказал, что шумовая обстановка создает не только напряжение нервной системы, но и напряженное мускульное состояние, на которое идет дополнительный расход энергии.

Нами было произведено исследование вибрации рабочего места во время работы на пишущей машинке при помощи специальной установки. Мы убедились по фотографии этой вибрации, что напряжение органа зрения чрезвычайно велико и несомненно должно отражаться на общем состоянии работницы. Во многих местах сейчас применяются специальные столы для машинок, которые амортизируют вибрацию.

Примерно около 1½ лет было потрачено на исследование того, как должно распределять отдых. Контрольные опыты над рядом машбюро подтвердили правильность нашей схемы мелких разделов, опубликованных в прошлом году на страницах журнала «В. С. и М.»¹⁾

Из всех видов канцелярского труда наибольший простор для исследований мы имели в отношении машинописи, которая представляет собой обособленный, выделенный цех, и в отношении машинисток мы можем с отдельными сомнениями установить четкий режим работы и отдыха.

Наша работа вообще строится по цеховым признакам, и нас могут упрекнуть в отсталости, но нужно иметь в виду, что фордизация — непрерывный поток — вводится там, где закончен этап цеховщины, а аппарат управления еще не дошел до цеха, он все еще находится в состоянии кустарного производства.

¹⁾ В № 3 журнала за пр. г. в статье д-ра Бружеса «Режим дня» приведена следующая схема перерывов. Один 10-минутный перерыв в дообеденное время и два 5-минутных в послеобеденные часы.

Необходимо уделить внимание вопросу нормирования конторского труда. Наша постановка не только в лабораторной работе, но и в ряде учреждений, находящихся в течение периода под постоянным нашим контролем, показала, что путем введения рационализированной обстановки мы повышаем производительность с 22—24 страниц до 29, без всяких ухищрений и нажима на машинистку и без повышенной затраты энергии.

Нам могут возразить, что рационализация дорого стоит, но наша калькуляция показывает, что все дополнительные расходы по проведению наших мероприятий, включая и внешнее оборудование, окупаются повышенной производительностью труда примерно в полтора года. Это чрезвычайно хороший процент амортизации.

Мы уже касались вредности введения учета продукции, вызывающего повышенную конкуренцию, сильную утомляемость и ухудшение продукции. Учет конечно необходим, но не как мера воздействия на работника, а как мера планирования, — что может дать работник в определенный отрезок времени.

В заключение я позволю себе напутствие товарищам. Вы являетесь преподавателями машинописи, вы преподаете технические навыки и знания и я очень хотел бы, чтобы одновременно вы знакомили своих учеников с необходимыми условиями их труда; вы же должны воздействовать на рационализаторов в отношении того, чтобы они создавали прежде всего соответствующие условия работы и лишь затем требовали повышения продуктивности.

Делегатки обмениваются опытом: т. Якубян (Тула) и т. Романова (Пермь) — преподаватели машинописи.

Ответы д-ра Бружеса на записки

Из экспонатов выставки VIII съезда н/союза.

1) Постоянный учет в машинописном бюро я считаю лишним накладным расходом. Периодический учет конечно необходим, ибо меняется состав в бюро, меняются условия, материал, поступающий в бюро. Постоянный учет, который введен в бюро Наркомфина (таблицы с передвижными фишками) — считаю недопустимым.

2) Преподаватели машинописи для охраны своего слуха должны требовать применения необходимых мер вплоть до отказа преподавать в тех школах, где классы не оборудованы специальными глушащими приспособлениями.

3) Столы для стенографов должны быть очень мало покаты, прежний тип парты и бухгалтерской конторки не вполне отвечает построению писчих движений. Сейчас большей частью (за границей совершенно) отказались от наклонных парт. Мы сами не исследовали этого вопроса, но в течение этого года будет разработан вопрос о размерах, высоте и наклоне рабочего места.

4) Освещение машинописного класса должно быть общее, гигиена конторского труда отвергает местное освещение в особенности по отношению машинописи. Вопрос нужно ставить не так — общее или местное, а о количестве источников света. На этот вопрос могу ответить, что при всех прочих равных условиях всегда несколько точек лучше, чем одна.

5) 5-минутного перерыва между уроками машинописи мало, поскольку занятия протекают в обстановке, основательно высасывающей нервную систему. Обычно на курсах работают по 20—25—30 чел. в группе и обстановка получается такая, что после уроков нужен перерыв не менее полчаса с прогулкой вне стен курсов, на воздухе.

6) Производилось исследование машинисток и один исследователь нашел, что она тратит 50 калорий в час, а за 6-часовой рабочий день примерно около 300 калорий, другой же получил цифру 80 кал. в день, между тем как многие работы измеряются в 1500 кал. Эта цифра говорит о том, что машинистка делает легкие движения, хотя и сопровождающиеся некоторым напряжением. Расход физической энергии при машинописи вообще настолько мал, что считать этот труд физическим совершенно нельзя. Если иногда бывают элементы большого физического труда вплоть до специальных заболеваний пальцев, то это вина тех машинисток, которые работают с ненужными усилиями, примерно, в 10 раз большими, чем нужно для получения оттиска. Это весьма распространенное явление, до 90% машинисток работают с излишней нагрузкой.

7) Труд машинистки по степени вредности и утомляемости нельзя конечно приравнять к наиболее тяжелым категориям физического труда — ибо нельзя сравнивать наиболее напряженный умственный труд с наиболее тяжелым физическим трудом. Работа машинистки, протекающая в условиях рационального режима дня, оказывается сравнительно мало утомительной.

Рабочее место машинистки (из экспонатов выставки VIII съезда н/союза).

Стандартная клавиатура

Доклад тов. Гольцева — ИТУ

Работа Института по стандартизации имеет своими объектами материалы, применяющиеся в конторской практике, и орудия труда. Первый законченный этап, начатый еще в 1926 г. — стандартизация форматов бумаг. С октября текущего года стандарт вводится, как обязательный, для учреждений всего Союза, и вам, преподавателям, предстоит подготовить учащихся к переходу на этот стандарт.

Стандартизация в области орудий конторского труда начата сравнительно недавно и окончательных результатов не имеет. На первом месте стоит стандартизация пишущей машины. В связи со стандартизацией форматов бумаг должна быть изменена длина вала. Машины ввозятся к нам из-за границы, но в последнее время поставлен вопрос об изготовлении машин в СССР, и через 1—2 года у нас будет происходить сборка машин из ввозимых частей, а затем и собственное производство машин. Необходимо, чтобы ввозимые к нам машины (валы их) соответствовали измененным форматам бумаг. Кроме того, будут стандартизированы расстояние между строчками, ширина и качество лент, клавиатура, шрифт и некоторые другие элементы.

Пишущая машина появилась у нас около 40 лет тому назад и ввозилась из-за границы. Вначале клавиатура была приспособлена к иностранному алфавиту, имела 38 клавиш и нас мало удовлетворяла, так как наш язык имеет значительно большее количество знаков. Затем число клавиш возросло до 42, тогда-то и была установлена универсальная клавиатура. После революции из алфавита были изъяты некоторые буквы, и в клавиатуре получились пустые места. Возник ряд проектов изменения расположения букв. Органы профобразования устроили ряд совещаний и, наконец, было решено остановиться на какой-либо единой клавиатуре вплоть до окончания работ по стандартизации клавиатуры. Представленные проекты Менделеева, Москвина и Скачко представляли собой замену выбывших букв и частичную перестановку; иностранные фирмы также предложили нам клавиатуру, в которой почти все буквы сдвинуты влево.

Из всех проектов было решено остановиться временно на проекте т. Скачко, предлагавшем наименьшие изменения в замене

выбывших букв дополнительными знаками. Этот проект с некоторыми поправками был одобрен Главпрофобром, как обязательный для всех курсов и рекомендованный для учреждений. Последние, к сожалению, не перешли на эту единую клавиатуру, что и вызывает разрыв между обучением и последующей работой. В общем, в области клавиатуры мы имеем сейчас полный хаос, какой был до последнего времени и в области форматов бумаг.

Здесь необходимо отметить действия г-на Менделеева, который не подчинился постановлению Главпрофобра и продолжает упорно отстаивать в прессе русской и зарубежной свой проект, утверждая, что разработанный им проект является стандартным, и предлагая фирмам, ввозящим машины в СССР, следовать его «стандарту». Институт вынужден был опровергнуть утверждение Менделеева, что его клавиатура является стандартной, и сообщить торгпредству в Германии, Аркоосу и др. организациям, что в СССР разрешается ввоз машин только с клавиатурой, утвержденной Главпрофобром.

Наша работа по стандартизации клавиатуры будет развлекаться в направлении достижения делового удобства, учета физиологических особенностей машинописного труда и производственных возможностей.

Деловые удобства заставляют произвести лингвистический подсчет знаков и сочетаний и их частоту.

Под учетом физиологических особенностей мы понимаем установление таких условий труда, при которых сокращаются излишние движения, утомление сводится до минимума, профвредность понижается.

Что касается производственных возможностей изменений в клавиатуре, т. е. создания самого стандарта, об этом говорить не приходится — это вопрос о незначительных материальных расходах на каждую отдельную машину.

Мы считаем, что за основу надо взять рабочую машину с одинарным переводом регистра и не предпринимать количества клавиш, которое будет обуславливаться необходимыми для большинства работ знаками. Установка очевидно будет на 46 клавиш, но и их, собственно говоря, недостаточно.

Приступая к работе по стандартизации клавиатуры, мы считали ее значительно

проще, но скоро убедились, что работа эта очень сложна и захватывает целый ряд областей — физиотехнику, методику машинописи и др., которые влияют на размещение знаков. Подготовительная работа по выявлению частоты знаков и их сочетаний проделана попутно с работой по стандартизации шрифтов. Было подсчитано более миллиона знаков из 100 с лишком книг. Затем взяли ряд учреждений различного уклона и произвели контрольный подсчет с меньшим количеством знаков, но по документам. Этот подсчет подтвердил правильность первоначального вывода о частоте знаков. Вопрос о сочетании знаков также проработан. На основании этих материалов, казалось, можно расположить наиболее часто встречающиеся буквы в зону работы сильных пальцев, а остальные знаки — на периферии. Этим мы установили бы взаимодействие рук и пальцев.

Расположение знаков тесно связано с десятипальцевым осязательным (слепым) методом письма. Этот метод имеет целый ряд преимуществ, из которых необходимо отметить следующие: разделение труда между обеими руками и всеми пальцами; постоянный тренаж пальцев; уменьшение длины пути, совершаемого руками в процессе работы; экономия движения мускулов плеч, предплечья и шеи; быстрый и правильный бросковый удар, избавляющий пальцы от отдачи; разгрузка глаз от необходимости аккомодировать к различным расстояниям и перебрасывать внимание с предмета на предмет. Тем не менее есть возражения против этого метода.

Попутно возникают и другие вопросы, разрешаемые значительно легче: можно ли руководствоваться только частотой знаков и их сочетаниями или необходимо учитывать и специфические особенности некоторых видов работы, например, цифровой? Нужно ли дать особую цифровую клавиатуру, чтобы не было замены цифр буквами («0», «3»), и, если давать обособленную клавиатуру, то где: в верхнем или в первом ряду? За границей переходят на размещение цифр без регистра. От перевода цифр в первый ряд мы должны очевидно отказаться.

Необходимо отметить, что скорость письма зависит от регулярности интервалов между ударами, поэтому надо создать условия, способствующие ритмичности в работе. Метод психо-физиологического изучения машинописного труда способствует выявлению и организации этих условий, но и здесь

мы встречаемся с различными взглядами психотехников в лице проф. Ляи и инж. Клокенберга.

Ляи считает наиболее важным и существенным в работе машинистки быстроту, и нужно во что бы то ни стало создавать подходящие для этого условия, а они зависят исключительно от переключения рук и пальцев. Если бы можно было переключить только руки — это было бы весьма эффективно, но практически невозможно, поэтому приходится переключать, кроме того, и отдельные пальцы. Десятипальцевый слепой метод, имеющий определенные зоны действия рук и пальцев, является врагом такого переключения. Следуя Ляи, нужно отказаться от десятипальцевого метода и перейти к методу свободных пальцев.

С одинаковым успехом Клокенберг доказывает, что, стремясь к скорости, не нужно забывать о необходимости условий, при которых быстрота может продолжаться длительный период времени, не вызывая быстрого и глубокого утомления работника. Если строить всю работу только на переключении рук, то создадутся условия, при которых машинистка быстро утомляется, что будет сказываться на качестве ее работы.

Нам надо создать такие условия, при которых машинистка в течение продолжительного отрезка времени могла бы работать с одинаковой степенью быстроты. Для этого очевидно следует строго разграничить зоны действия рук и пальцев, а знаки разместить таким образом, чтобы была возможность переключения рук и пальцев.

Итак, прежде чем решить вопрос о расстановке знаков на клавиатуре, нужно установить твердый перечень необходимых знаков, исходя из которого мы будем иметь то или другое количество клавиш. Нужно иметь данные о частоте букв и их сочетаниях, при чем частота будет иметь или положительное, или отрицательное значение. Если будет доказана необходимость переключения рук, то часто встречающиеся сочетания должны быть размещены не под ряд, а равномерно между двумя руками, чтобы достигнуть большей быстроты работы. Если этот взгляд неправилен, то сочетания придется разместить рядом.

Сейчас нами изучены данные Ляи и Клокенберга. В ближайшие месяцы будет проведена практическая их проработка.

После этого можно построить, на основании имеющихся данных, проект клавиатуры, очевидно, еще не окончательный.

Проект будет опубликован в специальной прессе, кроме того разослан для критики. По учету отзывов создастся второй проект, который будет или окончательным, или послужит основой для третьего проекта. Кри-

Ответы тов. Гольцева на записки

1. Сейчас существуют самые разнообразные клавиатуры пишущих машин, отчего испытывают неудобства и учреждения, и школы, и сами работники. Отсюда возникает вопрос об единой клавиатуре, которая должна отвечать всем современным требованиям и научным достижениям в области психотехники. Сейчас нельзя назвать ни одной системы клавиатуры, отвечающей этим требованиям.

Секция по административной технике. Докладчики—т. Нефедов (Москва), т. Гурьянов (Ленинград) (слева направо)

2. Переключение рук и пальцев по способу Ляи заключается в том, что наиболее часто встречающиеся сочетания выбиваются двумя руками, напр., «НО». Как можно расположить эти буквы по способу Ляи? Одну из букв надо поместить под левую руку напр., «Н», а «О» под правую. Левая ударяет по клавише «Н», а правая сейчас же с максимальной быстротой берет «О», таким образом получается минимальный интервал между знаками. Ляи говорит, что если бы «Н» и «О» выбивались одной рукой, но разными пальцами, то интервал был бы больше. Если же один палец одной и той же руки будет выбивать обе буквы, то интервал получится еще значительнее. Переключение рук — это удар по наиболее часто встречающимся знакам в первую очередь разными руками. Если это невозможно, то разными пальцами одной и той же руки.

3. Относительно разработки стандартного вечного пера скажу, что такое перо не всегда удобно, хотя на Западе и имеет большое применение. По своей тяжести оно не

позволяет долго пользоваться им. Процесс макания обычного пера в чернильницу дает роздых руке.

4. Нами начата большая работа и в области усовершенствования ручек. Первые шаги в этом направлении сделала Германия. Там имеются проекты ручек с изгибом для вставки пера, при такой форме перо не соскальзывает письма и дает нормальный наклон.

5. Стандарты форматов бумаг нами разработаны и уже утверждены. Стандартизация форм документов (письмо, протокол и ряд других) закончена, и в скором времени стандарты будут опубликованы. Также разработаны стандарты почтовой и писчей бумаги и тетрадей. Все разработанные нами стандарты вносятся на утверждение комитета по стандартизации при СТО для введения их в обязательном порядке.

6. В одной из записок была подана хорошая мысль о конструкции специальной клавиатуры для тренировки пальцев. Над этим вопросом Институт не задумывался, но полагаю, что осуществление таких тренировочных клавиатур вполне возможно.

7. Отвечая на последнюю записку, в которой спрашивается, кому именно сообщено, чтобы в СССР ввозились из-за границы только машины с единой клавиатурой, утвержденной Главпрофобром, скажу, что такое сообщение Институт было сделано торгпредству в Германии, акц. о-ву «Международная Книга», акц. о-ву «Книга» в Берлине и Центросоюзу.

По докладу тов. Гольцева конференция выносит пожелание об УСКОРЕНИИ РАБОТКИ ЕДИНОЙ КЛАВИАТУРЫ и порицание гр. Менделееву за недопустимые для советского специалиста попытки рекламирования на внешнем рынке своей клавиатуры при установлении единой временной клавиатуры.

Конференция считает работу Института техники управления по стандартизации в области конторского труда ценной и правильной.

Три года на пути к унитарной

Доклад Р. А. Вексман

Вопрос о разработке унитарной системы на протяжении нескольких лет настолько подробно освещался на страницах нашего стенографического журнала, что внести в мой доклад что-либо новое было бы непосильной задачей.

Мне бы только хотелось осветить общую картину, дать некоторый анализ той громадной работы, которая до сих пор вызывает много сомнений и ничем не оправданных слухов.

Немного истории

Идея о необходимости создания унитарной системы возникла еще в 1924 г. на страницах журнала «Вопросы стенографии», а на первой всесоюзной конференции стенографов в 1925 г. она нашла отражение в докладе тов. Протасова «О стенообразовании» и в резолюции по этому докладу.

Нас иногда упрекали в том, что мы пошли дальше всесоюзной конференции, которая рекомендовала нам чрезвычайно осторожный и медленный подход к вопросу об унитарной системе, что мы будто бы форсировали этот вопрос. Но нужно сказать, что ни ЦК Советских служащих, ни избранная конференцией Центральная комиссия по вопросам стенографии не могли рассматривать каждое решение конференции, как евангелие, от которого нельзя отступить.

Мы увязывали свою работу не только с резолюциями конференции, но и с опытом, выявившимся в процессе нашей работы.

Этот опыт вскрыл недостатки преподавания стенографии на местах и даже дискредитацию идей стенографии в связи с тем, что в некоторых городах преподаватели не могли выпустить ни одного стенографа за много лет обучения. Несколько скандальных историй на этой почве, издание халтурных учебников по стенографии (пресловутые учебники Гольдина, Писаревского и др.) — все это заставило нас несколько быстрее выдвинуть вопрос об отборе или создании единой системы, которая дала бы возможность подготовить и квалифицированных преподавателей и следить за выпуском хороших учебников.

Мы сталкивались с необходимостью унитарной системы при постановке всех наших проблем о распространении стенографии

в СССР. Когда мы возбудили перед НК РКИ вопрос о внедрении стенографии в соваппарат, то нам ответили:

«Дайте нам сначала унитарную, а тогда мы примем ваш проект об обучении служащих стенографии».

Обратились в Наркомпрос с предложением ввести преподавание стенографии в трудовой школе, — получили опять тот же ответ.

Таким образом, идя по пути, намеченному конференцией, мы должны были ускорить темп разработки вопроса об унитарной и уже с 1926 г. приступили к организации комиссии по унитарной системе.

Состав комиссии был утвержден на пленуме Центральной комиссии по вопросам стенографии, в состав которой входили несколько представителей крупнейших областей СССР (Ленинград, Северный Кавказ, Поволжье, Украина, Белоруссия, Азербайджан). Комиссия начала свою работу на общественных началах.

Теперь приступлю к анализу работы по созданию унитарной системы, которая продолжается 3 с четвертью года. Вся эту работу можно разделить на 4 этапа.

1-й этап: установление принципов, которым должна отвечать будущая унитарная система.

2-й этап: изучение действующих систем стенографии. Этот этап закончился отбором 4-х лучших из имеющихся систем.

3-й этап: конкурс проектов унитарной, закончившийся отбором 7-ми лучших проектов из числа представленных.

4-й этап: соревнование проектов в опытных группах.

Принципы унитарной себя оправдали

Могло быть два пути для установления принципов, которым должна отвечать унитарная система. Первый путь — это изучение систем и на основе этого — изучение тех принципов, которые являются основными для стенографии. Второй путь — это назначение идеальных принципов, которым должна отвечать унитарная система, и отбор всех систем с точки зрения того, насколько они отвечают этим принципам.

Надо сказать, что у нас не было единения по этому вопросу. Я принадлежала к тому меньшинству, которое считало более

правильным первым путем. Комиссия пошла вторым путем, и теперь можно твердо сказать, что этот путь не имел отрицательного влияния на развитие работы унитарной комиссии. Если мы просмотрим все этапы работы унитарной комиссии, то увидим, что встречаясь неоднократно при проработке тех или иных вопросов с принципами, мы не вносили в них радикальных изменений.

Может быть, это объясняется тем, что, несмотря на кажущуюся абстрактность, принципы были проработаны массовым коллективным путем, были основаны на опыте изучения систем. На места были разосланы обращения ко всем авторам и теоретикам систем стенографии с просьбой представить свои соображения о принципах, которым должна отвечать унитарная система. Около 30 отзывов поступило с мест и на основе этих отзывов и была сделана сводка принципов. Все основные намеченные комиссией принципы (требование графичности, отсутствие деформации и лестничности знаков, стандартность начертаний и т. д.) являются до сих пор неизменными.

Спорным являлся вопрос о нажиме, но он и до сих пор не может быть выяснен на 100%, и потребуются вероятно еще ряд лет, пока мы придем к заключению можно ли без него обходиться.

Итак, принципы были установлены, и если не нашлось системы, которая бы подходила под эти принципы, то это недостаток не принципов, а наших систем.

Изучение систем

После установления принципов мы приступили к изучению систем. Оно коснулось следующих систем: Штольце, Габельсбергер, Кривош, Терне, Животовский, Сапонько, Соколов, Репин. Доклад тов. Лапекина о его системе по ряду объективных условий не был закончен и не была заслушана система тов. Фалеева.

Изучение основных школ стенографии дало несомненно богатый материал. Конечно мы не изучали каждую систему на себе, как это предлагали некоторые, это было бы непосильной задачей, да и с научной точки зрения такой подход не был бы правильным: ведь практические достоинства той или иной системы оцениваются стенографом в зависимости от его индивидуальных качеств, от его привычки. Нужно было подойти к объективному теоретическому разбору систем, и это было сделано основательно, так как по каждой системе мы имели доклады

самых авторов систем, а также и содоклады критиков, выделенных из среды комиссии.

Этот второй период изучения систем, так же как и третий, — период рассмотрения проектов унитарной — наложил огромный отпечаток на работу самих авторов систем. Будет правильно сказать, что этот период был периодом интенсивной работы авторов над своими системами. Именно в этот период подготавливается учебник Гильдебранда (обработка системы Терне), выходит новая обработка системы Сапонько, видоизменяется система Соколова. Когда мы пришли к конкурсу проектов унитарной, мы видим изменения, которые авторы внесли в свои системы. Это подтверждает, что авторы работали над своими системами.

Почему был нужен отбор систем?

Нужно сказать еще два слова об отборе систем. Комиссией были представлены к отбору пять систем: Габельсбергер — Крулев, Сапонько, Терне — Гильдебранд, Н. Соколов и П. Вурлаков, из которых Наркомпрос утвердил только четыре, отвергнув систему Вурлакова, являющуюся одной из переработок системы Габельсбергера и получившую меньшинство голосов.

Для некоторых этот отбор явился неожиданностью, им казалось, что разработка унитарной не может быть увязана с практическим вопросом отбора систем для применения до выработки унитарной. Приступив к работе над унитарной системой, мы также думали, что можем обойтись без переходного этапа — отбора нескольких систем. Но когда нам стало ясно, что работа над унитарной потребует 2-3 лет, нам пришлось использовать материалы комиссии для отбора систем. Такое практическое применение результатов теоретической работы несколько, конечно, не противоречит задачам науки. Те 4 системы, которые были отобраны, действительно являются наиболее распространенными и оправдавшими себя на деле. К сожалению, принятые своевременно Главпрофобром меры по изданию учебников по отобранным системам и переподготовке педагогов не дали возможности провести отбор в жизнь полностью, но уже самый отбор дал толчок на местах: габельсбергианцы хотели учесть опыт обработки Крулева, а представители системы Терне старались приблизиться к обработке Гильдебранда, и так во всех системах. Таким образом отбор явился совершенно логичным и нужным этапом в работе унитарной комиссии.

Кто участвовал в конкурсе проектов

Теперь перейдем к 3-му этапу работы — к конкурсу проектов унитарной. Мы имеем тут 17 проектов; три варианта системы Габельсбергера, 2 варианта системы Терне, проекты Соколова, Лапекина, Фалеева, Зеровского, Германова, Даумана, Штерна. Кроме того мы имели 2 заграничных проекта — Рудхарда и Роза. Последние проекты из-за непригодности к русскому языку были отвергнуты.

Большинство этих проектов не являлось проектами какой-либо новой идеальной унитарной системы. Авторы систем, которые мы уже знаем, вносили у себя кое-какие поправки и представляли проект. Были и попытки создания новой системы, но эти попытки не оправдали себя и не потому, что невозможно создать систему, базирующуюся на ряде других систем, — нет, эта работа возможна и мыслима, — но потому, что, с одной стороны, эта работа требовала длительной лабораторной проработки, (а некоторые проекты были составлены наспех), с другой стороны, психологически наши работники стенографии в этом вопросе не были еще подготовлены настолько, чтобы они могли, отрекаясь от своей системы, создать что-то новое и научно-ценное. Вот почему такая попытка в Москве продолжалась очень недолго и кончилась неудачей. В своей дальнейшей работе авторы пошли путем улучшения своих систем, а не путем объединения нескольких основных школ. Произошла даже некоторая дифференциация, которая может казаться шагом назад. Так, например, габельсбергианцы на втором этапе выступили в унитарной комиссии с одним объединенным проектом Крулева, но в третьей стадии работы они разбились, — это их большая ошибка. Крулев с рядом педагогов выработал один вариант, унификационная комиссия выработала другой и тов. Юрковский — третий.

Приступили к отбору лучших проектов из тех, что мы заслушали. Каждый из этих проектов имел целый ряд недостатков с точки зрения принципов, которые были установлены, и это побудило часть комиссии вынести резолюцию о том, что ни одна из систем не годится для унитарной. Но собранный комиссией материал дал Главпрофобру возможность остановиться на 7 лучших проектах: двух вариантах по Габельсбергеру (Крулева и унификационной комиссии), Терне — Гильдебранда, Сапонько, Соколова, Лапекина и Фалеева.

Последний этап — практическое соревнование

Мы приступили к следующему этапу — практическому соревнованию систем. Этот этап был вызван прежде всего тем, что только теоретическими показателями нельзя было определить качество систем. У нас нет ни одной идеальной системы, но у нас много хороших систем. Это определенный вывод из итогов работ унитарной комиссии. Мы оказались богаче, чем мы могли предполагать. В процессе работы мы часто говорили о необходимости увязывать теоретическую оценку систем с оценкой практических результатов преподавания, но это было невозможно, так как не было показателей, не было точной статистики, чтобы об этом судить.

Даже на курсах ВГКС, где преподавалось одновременно 7 систем, не удавалось получить точной картины, какая же из этих систем является лучшей, так как не было принципа равномерного распределения учащихся с учетом психотехнических особенностей. Работу разных курсов тем более нельзя было сравнивать. Например, Крулев на своих курсах преподавал чистую стенографию среди более грамотных и обеспеченных учащихся, и это не увязывалось с установкой ВГКС на определенный социальный состав слушателей, на подготовку канпработника.

Это побудило нас поставить вопрос о том, чтобы к имеющемуся уже богатейшему теоретическому материалу добавить практические результаты, полученные в процессе работы над различными системами, поставленными в одинаковые условия. Эта идея является настолько правильной, что она не встретила никакого противодействия ни в среде специалистов-стенографов, ни в руководящих органах.

Чтобы поставить все системы в одинаковые условия, мы должны были привлечь к курсам внимание таких областей науки, как психотехника и медицина. Произведенные испытания слушателей по русскому языку и последовавший за ними медицинский и психотехнический отбор дали очень большой отсев; мы теряли иногда людей, обладающих прекрасными психотехническими показателями, но не способных по своему физическому состоянию к изучению стенографии, и наоборот, людей очень здоровых, но стоящих в смысле одаренности на низкой ступени развития.

Самым большим недостатком в организации опытных курсов нужно считать недостаток людского материала для комплектования курсов. К испытаниям было допущено около 500 машинисток в возрасте от 20-ти до 30-ти лет, и из них осталось всего 210 человек. Это является самым большим минусом не только потому, что большие цифры были бы более показательными, но и потому, что мы сейчас принуждены чрезвычайно строго относиться к сохранению каждой человеческой единицы на курсах, тратя на это много энергии.

Интересный опыт

Этот последний этап опытного соревнования вносит много нового в смысле методики. Если раньше мы занимались больше всего изучением системных вопросов, вдаваясь в детали отдельных значков и букв, то теперь мы подходим к вопросам методического порядка, что является ценным показателем нашей работы, так как представляет большую важность для всей стенографической работы. Материалы, которые мы получим путем изучения тетрадей по разным системам и путем выявления показательных зачетов учащихся, являются очень ценными для наших опытов.

Недавно нами был сделан очень смелый шаг, — после 3 месяцев учебы, когда учащиеся закончили прохождение теории, мы приступили к зачетам на скорость, начиная с 20 слов и кончая 35 словами. На основании данных зачета мы не хотим строить вывода, какая система лучше, — нам нужно только выявить методику систем. Иная система идет вначале замедленным темпом, но потом покажет себя, а другие, наоборот, берут сразу темп.

Итоги этой первой проверки вскрывают в частности и недостатки системы: некоторые системы страдают неточностью окончаний, что чрезвычайно важно для канцелярской стенографии. Будем надеяться, что в процессе дальнейшей работы преподаватели сумеют устранить эти ошибки, и таким образом это опытное соревнование всколыхнет застывшие формы этих систем и даст авторам возможность работать над их улучшением. Мы, давая авторам полную свободу в преподавании своей системы, требуем от них лишь того, чтобы каждый шаг по изменению системы был запечатлен в нашем материале и чтобы каждая страничка хранилась в шкафу для изучения.

Настроения, мешавшие работе

Теперь, товарищи, несколько слов о настроениях, которые царили в течение работы комиссии. Я считаю работу по унитарной системе одной из самых мучительных и трудных работ в области стенографии, т. к. это действительно гигантская и совершенно новая работа. Только коллективным путем можно было нащупать методы этой работы и только коллективным путем она и велась. Руководство этой работой по существу сводилось к установлению твердого плана и к наблюдению за тем, чтобы не выходить из определенных рамок. Эта работа проводилась нами так, как мы могли это сделать с нашими знаниями и с нашими возможностями. Вопрос о средствах имел тоже некоторое влияние. Например, мы не могли привлечь психотехников к изучению вопроса о нажиме и др. из-за недостатка средств.

Были и субъективные условия, мешавшие работе унитарной комиссии и прежде всего малая убежденность всего нашего стенографического мира и особенно головки его в необходимости унитарной системы. Это сказывалось и в работе самой комиссии, и в материалах, появлявшихся в печати. Несмотря на то, что теоретически многие находили, что унитарная система действительно нужна, — в процессе практической работы далеко не у всех являлось желание положить свои интересы на алтарь унитарной. Это оказало большое влияние на темп и глубину работы, которые очень страдали от этих системных взаимоотношений.

Правда, по мере продвижения работы унитарной комиссии эти настроения исчезали, и можно с удовлетворением отметить, что работа последнего этапа по опытному соревнованию проходит в совершенно другой обстановке. Большого единодушия в работе нельзя себе даже представить.

Итоги и перспективы

Теперь я подведу итоги работы комиссии за 3 года. Прежде всего мы получили ознакомление одних авторов с системой других. Надо сказать, что большинство членов унитарной комиссии честно созналось, что, приступая к работе, они не знали очень многих систем, так как работа многих наших теоретиков, авторов систем, базировалась не на всем имевшемся стенографическом опыте. Таким образом большой теоретический багаж наша работа несомненно дала.

Во-вторых, как я уже говорила, эта работа пробудила в авторах систем критическое отношение к себе и вызвала ряд улучшений в системах.

В третьих, эта работа привела к тому, что некоторые системы начали постепенно отмирать, так, например, системы Кривоша, Штольце, Шумилова и др.

Последний вопрос — о перспективах работы. Является ли эта работа окончательной? Было бы слишком смело сказать, что после этого опытного соревнования мы обязательно остановимся на одной системе.

Лингво-техника и стенография

Выступление проф. Л. Жиркова в стенографической секции по докладу об унитарной

Я хочу сказать находящимся здесь стенографам то небольшое, что дал мне опыт моей работы в области стенографии.

К сожалению, никто из лингвистов кроме меня не принимает участия в разработке стенографических проблем. Такое же явление мы наблюдаем и на Западе, где лингвисты всех школ чуждаются этих вопросов, придерживаясь в этом отношении самых устарелых взглядов; лингвистическая же компетенция тех, кто высказывается, очень сомнительна.

Я считаю, что представителям стенографии и здесь и на западе необходимо связаться в своей работе с лингвистами. Но тут возникает вопрос: с кем именно связаться в смысле направления? Надо сказать, что лингвистика везде переживает резкий кризис, в ней определились три направления.

В первом направлении работают все лингвисты Запада, это — направление генеологической школы, которая называет себя исторической, но в сущности выдвигает такие предпосылки, которые позволяют ее назвать генеологической, утверждая, что из немногих языков создались многие. Главной задачей лингвистов этого направления является разыскивание в нашем языке элементов старого языка, что, конечно, не имеет

И в Главпрофобре и в ЦК союза существует мнение, что если не окажется какой-нибудь определенной разницы между соревнующимися системами, то придется оставить не одну систему, а две-три, но на этот раз мы могли бы оставить их более твердо, чем когда мы, не подкрепив себя достаточным опытом, оставляли четыре системы. Следовательно, в худшем случае этот этап является не последним, а лишь предпоследним в нашей работе по разработке унитарной системы.

ничего общего с потребностями языковой культуры современности. Сторонники этой школы отрицают, что на основе теории лингвистики может вырасти прикладная лингвистика. Конечно, взгляды сторонников этого направления не могут быть использованы стенографией.

Мы имеем, однако, другое, здоровое, свежее направление, определившееся прибли-

Выступление проф. Жиркова. За столом — бюро стеногр. секции: т. Темничка — (Самара), т. Шитик — (Ленинград), т. Векман — Москва и докладчик — т. Лапкин (справа налево).

зительно 6-7 лет тому назад, это — материалистическая лингвистика, в области которой работает проф. Яковлев, работник Ком. Академии по подсекции языковедения. Это течение отрицает старую филологическую школу и работает по методу статистического изучения языков. Совместная работа с дея-

телями этого направления может способствовать, например, выработка той или иной формы международного языка, выбору литературного диалекта, установлению научной терминологии и т. д. Таким образом прикладная лингвистика может быть построена, как самоовлеющая наука. В качестве одной из таких попыток я, вероятно, начну с будущего года в первом МГУ курсе лингво-техники.

Из всего сказанного ясно, почему из лингвистов, к сожалению, только я единственный работаю в области стенографии.

Теперь несколько слов о моей работе по выработке унитарной системы. Я явился сначала, как зритель, просто интересующийся этим вопросом, но имел возможность уже в качестве члена унитарной комиссии наблюдать эту работу на довольно длительном протяжении времени. Я заявляю, что работа велась вполне объективно. Ведь надо сказать, что выработать вполне хорошую систему стенографии для русского языка это значит решить мировую задачу: русский язык один из сложнейших по своим окончаниям, по сложности лингвистической структуры и по трудности выработки для него системы стенографии.

Конечно, в процессе работы по выработке унитарной системы были и дефекты, но они носили случайный характер; например, к великому сожалению, отвергли очень интересную систему Животовского, а также и систему Буракова, но должно наступить время, когда эти системы будут вновь подвергаться обследованию.

Геометральные системы все-таки значительно представлены в СССР, имеются даже две разновидности этих систем. Конечно, в геометральных системах не было столько новых самостоятельных идей, сколько было их в других системах русской стенографии. Главной из этих идей в настоящих условиях является явно наблюдаемое стремление применить слуховой принцип. Этот принцип отчасти существует во всех системах, хотя многие авторы сознательно против него бронируются.

Геометральные принципы, я думаю, можно было бы применить и к русскому языку, но условия развития нашего дела толкнули русскую стенографию к принятию германских графических принципов, которые ока-

зались вполне пригодными, и развитие сразу потекло по определенному руслу. Однако сторонники геометральных принципов должны были бы найти для унитарной такую геометральную систему, которая могла бы быть положена в основу. Такой системой безусловно является система Животовского. Но тут в лагере сторонников геометрального течения оказался разнобой и при разнобое сильный лагерь победил слабый.

В виду необходимости скорейшего установления унитарной системы теперь уже не время заниматься опытами. Работа по выработке унитарной системы для стенографии является одной из маленьких страничек большой работы по выработке унитарных стандартных систем во всех областях человеческой работы. Сюда я, между прочим, отношу латинизацию русского алфавита и стандартизацию русской орфографии. Геометральную систему сейчас привлекать уже нельзя, так как она бы не пошла по тому пути, по которому идут все другие системы, и не помогла бы выработке унитарной, основанной на компромиссе.

Животовский держится, отстаивая свою систему, нетерпимо, в письме ко мне он рекомендует даже свои стенографические знаки для типографского набора. Это, конечно, уже безумие. Перед лицом такой непримиримости пришлось и придется при выработке русской унитарной не привлекать геометральных систем.

В заключение я хочу присоединиться к словам товарищей, что прежде всего нужно уберечься от административного нажима и привлечь к участию в работе над унитарной те кадры педагогов, которые работают с таким интересом здесь. Если теперь мы остановимся на двух или трех системах, то будет момент, когда нам опять придется выбирать между этими двумя-тремя. Тогда уже изобретатели, выдвигая свою систему, более сознательно подойдут к этому делу, более тщательно разработают систему и основательно проверят ее.

В общем я прихожу к утешительному выводу и думаю, что наш опыт работы над унитарной удастся лучше, чем немецкий. Мы стойко сохраняем идеи, связанные с языковыми свойствами русского языка, и если сейчас мы только отберем 2 или 3 системы, то это уже будет громадным плюсом и ускорит победу наиболее жизненных систем.

Как преподавать стенографию

Доклад Н. М. Крулева

Не все могут быть стенографами

Я буду говорить о методах обучения и о лицах, пригодных к профессии. Пора, наконец, совершенно определенно сказать, что далеко не все могут овладеть искусством стенографирования, и поэтому необходимо начинать с отбора из общего числа лиц, желающих обучаться стенографии, пригодных для этой профессии. Это сразу исключает все те терзания, которые имеют место как у учащегося, взявшегося не за свое дело, так и у преподавателя, который должен обучать такого учащегося. Я останавливаюсь на этом несколько подробно, потому что в моей практике я убедился в необходимости определенного метода приема на курсы.

Процесс стенографирования, кажущийся на первый взгляд несложным, — услышал, записал, — является на деле очень сложным. Этот процесс не без основания называют, с одной стороны, процессом умственным, поскольку осмысливание играет в нем очень большую роль, с другой — процессом психо-моторным, поскольку моторные функции, координация между слуховыми впечатлениями и моторной реакцией играет также очень большую роль.

Хороший стенограф пользуется сравнительно небольшим количеством импульсов, при чем каждый импульс передает большие единицы впечатлений, таков процесс самого стенографирования. Процесс расшифровки несколько другой. Здесь у стенографа имеется определенный документ — это стенограмма. В этой стенограмме передана в условных знаках та мысль, которая была выражена оратором. Задача стенографа заключается в том, чтобы восстановить по этим вехам содержание того, что говорилось. Здесь память хотя и имеет большое значение, но на одну память полагаться нельзя. Надо уметь восстанавливать в смысловых единицах те слова, которые были выпущены. Поэтому основным качеством хорошего стенографа является умение комбинировать, благодаря которому стенограф угадывает недостающие звенья целого.

Если стенограф в процессе стенографирования является лицом осмысливающим, к логической мысли которого предъявлены большие требования, то в процессе расшиф-

ровки он является изобретателем, хотя его изобретательство связано определенной задачей. Вот каким образом формулируется, на мой взгляд, весь процесс.

Из всего сказанного ясно, что стенограф должен обладать определенными качествами. Для того, чтобы определить, обладает ли данное лицо этими качествами, приходится обратиться к психо-технике. Психо-техника в процессе методических исканий выработала ряд методов, при помощи которых можно установить так называемую профессиональную пригодность. Она стремится сличить так называемую психогрессию профессии, т. е. перечень тех качеств, которые требуются для данной профессии, с наличием этих качеств у испытуемого лица.

Если психогрессия кандидата соответствует тому, что требуется для данной профессии, то можно предсказать успех в данной работе. Если соответствия нет, предсказание успеха или отвергается, смотря по определенным данным, или затрудняется.

Другими словами, надо произвести психо-технический анализ личности, желающей изучать стенографию, для того, чтобы знать тот психический капитал, которым придется пользоваться, и знать, как им пользоваться, чтобы он дал процент в виде успешной работы.

Я считаю, что психо-технические испытания надо признать наиболее целесообразным методом приема на курсы. Кроме вышеуказанного определения профессиональной пригодности, психо-технические испытания помогают обосновать разделение учащихся на группы, что имеет колоссальное значение для успешности педагогической работы.

Кроме того, определение профессиональной пригодности имеет и государственное значение, так как благодаря правильному распределению рабочей силы вообще повышается и производительность труда.

Я лично в течение 4 лет применяю этот метод приема учащихся. Это всегда облегчало мою работу и, конечно, работу учащихся, потому что при однородном составе группы работа ведется определенным темпом и учащиеся продвигаются определенным темпом.

Правильная постановка руки

Произведя профессиональный отбор, я начинаю обучение с правильной постановки руки и всего тела. Необходимо на первых же уроках внушить учащимся, что они должны сидеть по возможности прямо, но не напряженно, совершенно свободно. Я позволю себе остановиться на том, как я понимаю эту постановку, от которой зависит весь дальнейший успех.

Тут мы имеем то же, что и при занятии музыкой. Если дана неправильная установка, вы никогда не достигнете нужных результатов. При письме обе руки, не напряженные, должны лежать на столе. Левая рука, на которую обыкновенно совершенно не обращают внимания, не должна свисать, потому что мышцы левой и правой рук взаимно поддерживают друг друга и связаны между собой. Этот процесс я проследил не один, а с большим специалистом по профессиональным заболеваниям (главным образом стенографов) с доктором **Марсовой**. Мы пришли к тому заключению, что положение левой руки так же важно, как и положение правой.

Облокачиваться нужно, конечно, на левую руку. Правая рука должна лежать свободно, опираясь на локоть и мизинец, что также очень важно. К сожалению, взрослые учащиеся часто приходят с выработанными и установившимися ухватками в письме и очень часто у них нет этой опоры на мизинец: они кладут всю руку, и поворот мышц обычно тормозит дело. Чтобы освободить большее количество мышц, задерживающих письмо, необходимо держать руку, опираясь на локоть и мизинец, и вся рука должна ощущаться как единое живое целое, состоящее из отдельных живых частей. Это первый момент, с которого я начинаю обучение.

Перо или карандаш?

Второй момент обучения — это выбор орудия производства: перо или карандаш. Я пробовал и то и другое и отдал давно предпочтение перу. Кончик пера имеет разрез и перо обладает прогибаемостью, эластичностью, соответствующей эластичности мышц, нервов и пальцев руки, что чрезвычайно важно для нажима и для всей динамики письма, тогда как карандаш этих свойств не имеет и гораздо скорее утомляет руку, что влечет за собой риск потерять работоспособность руки. Я лично рекомен-

дую учащимся даже не вечное перо, а хорошее простое перо, так как самый процесс макания дает прекрасный периодический отдых руке. Все мои ученики пишут простыми перьями. Кроме этого работа пером избавляет от необходимости таскания за собой пачки карандашей и т. д. и сохраняет зрение, что, конечно, чрезвычайно важно.

Для того, чтобы стенографические начертания сохраняли правильность и чистоту, а в самом процессе письма была плавность и динамичность, необходима огромная техническая выправка руки, кисти и пальцев, а это достигается только умением правильно вести линию, правильным изображением букв и слов, я бы сказал, красивым письмом, т. е. тем, что называется каллиграфией. Без каллиграфии не может быть хорошей скорописи, хорошей в смысле начертаний стенограммы и хорошей расшифровки. В процессе всего обучения я требую от учащихся красивых начертаний во всех темах письма. Это дает ту техническую выправку руки, кисти и пальцев, о необходимости которой я говорил. На выставке, которую я собирался устроить, я хотел показать, как обучение письму и скоростным гаммам на основе каллиграфии создает ту установку, которая дает в результате хорошую рабочую стенограмму, и проанализировать рабочую стенограмму.

Усвоение теории

Весь процесс обучения я разделил на три этапа: первый — это усвоение теории системы, каллиграфической установки параллельно с практическими упражнениями; второй — автоматизация всех знаков и правил теории; третий — повышение скорости.

В первом этапе усваивается теория. Здесь я всегда подчеркиваю важное значение правильного усвоения и точности начертаний всех соединений согласных, так как стенографическое письмо ведется по согласным, теорию обозначения гласных, окончаний, приставок и т. д. Все это иллюстрируется обыкновенно на классной доске соответствующими примерами и усваивается учащимися путем самостоятельной проработки материалов дома и систематических на каждом уроке, — я подчеркиваю, на каждом уроке, — проверочных диктантов на отдельные слова с построчным их повторением для выработки автоматического развития техники пальцев и на целые фразы. Я это делаю для развития восприятия и удержания в памяти целых предложений.

Скорость, конечно, не должна форсироваться вначале, так как это может повести к деформации знаков и почерка, а на этом я первое время сижу долго и обращаю на почерк самое серьезное внимание. Здесь должно быть чуткое, внимательное наблюдение преподавателя за всеми моментами процесса обучения. Во-первых, за переводом письма с двух линеек на одну. Я начинаю с двух линеек, при чем раньше я начинал с линеек несколько более широкого размера, затем переходил на более узкий размер линейки, и, наконец, уже на одну линейку; теперь я давно отказался от этого и сразу беру две линейки немного больше того размера, который должен получиться на одной линейке, чтобы сделать этот переход удобнее и незаметнее, так как двойной переход несколько затруднял дело. Это очень важный момент — переход с двух линеек на одну.

В теории лучше всего удается комплексный метод по всем разделам программы теории одновременно. Например, при изучении теории обозначения гласных я обыкновенно показываю обозначение всех гласных в начале, в середине и в конце. В середине, когда идет момент изучения обозначений, как раз провожу обозначение всех букв с поворотом, потом всех букв без поворотов, группирую соответствующие обозначения, знаки, которые соответствуют тем или другим гласным, и постепенно добавляю созвучные приставки и окончания. Этот метод скорее всего дает возможность ознакомить учащихся с начертанием всех элементов речи и сразу дает запас материала для составления упражнений и проверочных диктантов.

Затем очень важен следующий момент. Вся корневая система построена, главным образом, на знаках полного и неполного эллипса и его правого и левого обращения; а из соединения эллипса одного обращения и той восьмерки, которая получается при различных комбинациях этого эллипса, получается то разнообразие графических фигур, из которого складывается стенографическое письмо. И вот правое и левое обращение эллипса дает поступательное движение в разных направлениях, а связанность, получающаяся при изображении эллипса во всех его обращениях, дает такую свободу движения руки, кисти и пальцев, благодаря которой развивается динамика письма. Поэтому с самого начала необходимо обратить внимание учащихся на правильное обращение эллипса,

так как от этого зависит плавность и динамичность письма.

У учащихся не должно быть ни одного неправильного движения. Упражнения с эллипсом в правом и левом его обращении лучше всего приучают руку к правильному применению нажима, к плавному, ритмическому письму. Для графической установки и выработки стенографического почерка необходимы упражнения сухим пером по образцовым начертаниям преподавателя и эти упражнения дают поразительный эффект.

Вести эти упражнения необходимо по фразам, чтобы рука сразу приучалась правильно и плавно передвигаться по строке. Диктанты и упражнения над отдельными словами с построчным их повторением будут развивать технику пальцев. Таким образом, вся установка в этом этапе обучения делается на усвоение теории и выработку у учащихся правильных и точных начертаний, красивого почерка и автоматизации воспринимаемых созвучий. Встречающиеся в упражнениях слова, для которых существуют корни и условные сокращения, я даю сразу в окончательной форме, чтобы избежать переучивания.

Приобретение скорости

Второй этап обучения заключается в дальнейшей автоматизации стенографического письма постепенным повышением скорости письма от 20 до 50—60 слов в минуту. Этим заканчивается первый год обучения. На этом этапе совершается уже и переход к речи, к изложению правил сокращений и фразеграмм и усвоению этих сокращений, диктантам с предварительным и последующим анализом. Корни должны даваться для усвоения постепенно (я даю их не более пяти-шести зараз) и должны усваиваться заранее при предварительном анализе того текста, который на них будет построен. В предыдущий урок я провожу этот анализ, и когда в следующий урок я даю материал, построенный на этих корнях, учащиеся уже сразу делают то, что нужно. Усвоение учащимися корней, сокращений и фразеграмм необходимо опять-таки проверить последующим анализом застенографированного текста путем вопросов тем лицам, которые расшифровывают стенограмму. Таким образом сразу освежаются в памяти все эти сокращения и закрепляется то, что было сделано.

Небольшие отрывки выбираются как материал для домашних многократных упраж-

нений и задаются к следующему уроку в определенном темпе. Это метод гамм; я его применяю с 1922 года и он дает прекрасные результаты. Таким образом, вся установка этого этапа заключается в приобретении учащимися постепенной автоматизации стенографического письма, — умения не задумываясь стенографировать воспринимаемые созвучия.

И наконец, третий этап обучения заключается в дальнейшем повышении скорости письма до 90 слов и выше. Делается это упражнениями в приобретении навыков и самостоятельной работой учащихся над текстами

различного содержания и живой речью. Основным методом для этого является метод гамм, дающий полную автоматичность письма и скорость его в пределах графического запаса каждого отдельного учащегося, и, наконец, путем практического диктанта. Овладев полной автоматичностью стенографического письма, учащийся может применять его для всякой работы. При самом методе обучения в зависимости от того, где производится это обучение, может быть использован соответствующий материал. Вот все, что можно в схематической форме рассказать о том методе, который я применяю.

1-я Всероссийская конференция преподавателей админ. техники, стенографии, машинописи и русского языка.

Труд и быт

С. КОВРИН

Третий — лишний, или нечестная игра

«Третий — лишний», так называется очень распространенная игра. Как правило, ею занимаются на досуге, где-нибудь на лоне природы, но недавно я был свидетелем проведения этой игры в совершенно необычайной обстановке. Игра происходила в кабинете заведующего ВГКС. Играло очень ограниченное количество, всего 4 человека: завкурсами — т. Репин и члены экзаменационной комиссии; председательница представитель Моспрофобра тов. Трусевич, представитель бюро экспертизы от биржи труда тов. Крулев и представитель комитета стенографов тов. Фертель. Нужно оговориться, что игра велась не честно, ибо третьим-лишним все время был представитель комитета стенографов. Чтобы не быть голословным, приведу факты...

I

18 июня на ВГКС должен был происходить съездовой экзамен. Экзамен, согласно новой, наспех испеченной Моспрофобром инструкции (которая, кстати сказать, отменяла утвержденную Главпрофобром в 1926 г. инструкцию, без согласования с последним), должен состоять из двух отрывков живой речи и двух диктовок на 120 слов по 3 минуты каждый — для определения скорости. Скорость, как видите, незавидная для людей, претендующих на звание съездового стенографа, ибо известно, что в первые три минуты можно написать на скорость большую, чем имеешь. Происхождение этих «120 слов» таково: комиссия Моспрофобра сначала постановила — 130 слов, комитет стенографов, идя навстречу учащимся, предложил снизить эту скорость до 125 слов, но зыведующий ВГКС сообщил, что его учащиеся по этой программе не готовились (а зачеты сдавали на 130 слов — С. К.), и направил их в Моспрофобр. Учащиеся прикинулись казанскими сиротами и добрый дядя из Моспрофобра скинул им на бедность еще 5 слов.

II

Подбор отрывков для диктовок был поручен комитету стенографов. На утро 18/VI представитель к-та, Фертель, принес три отрывка средней трудности. И с этого начинаются страдания молодого Фертеля.

Тт. Трусевич и Крулев при более чем деятельном участии т. Репина отклонили «комитетские» тексты, даже не потрудившись членораздельно обосновать свой отвод, а ограничившись только общим — «не подходит». Тов. Репин даже не прочел текстов комитета, а прямо предложил принять тексты Крулева, которые тот в это время вытаскивал из кармана(!).

На протест Фертеля т. Трусевич смиренно заявила: «Ах, молодой человек! Ведь если тов. Крулев, эксперт, находит ваши тексты трудными, то нам ли с вами, представителям общественной и профессиональной организаций, настаивать?».

Разгорелись прения сторон, вернее одной стороны. Они выразились в ряде недвусмысленных нападок на к-т стенографов, в обвинениях к-та в зажиме и стремлении не допустить молодежь в бюро.

Голосами Трусевич и Крулева комиссия постановила принять тексты, предложенные Крулевым. Оба текста были взяты из одной и той же речи Молотова (!). Горе-эксперт даже не потрудился взять их из разных источников. Больше того, он стал выправлять этот невинный текст, т. е. выкидывать неудобные слова, например, вместо «группок рабочих и крестьян» поставил — «группы рабочих и крестьян». Оказывается этот самый «пок» может смутить учащихся, готовившихся в съездовые стенографы!

Итак, тексты «эксперта» были приняты. Тов. Фертель занес в протокол особое мнение.

III

Как это случилось, что представителю комитета стенографов пришлось взять на себя защиту качества экзамена, от которого

зависело качество выпускаемых на рынок труда новых работников, а специально присланный для этой цели эксперт биржи труда т. Крулев оказался в стане либеральных «покровителей» экзаменуемой молодежи.

На это ответят краткие данные из биографии эксперта. Н. Крулев известен по протоколам комитета стенографов и ЦК союза, как «хозяйин-учредитель» курсов стенографии. Когда Главпрофобр поставил вопрос об огосударствлении частных курсов, Крулев всячески противодействовал реформе. К-т стенографов вынужден был исключить его из профсоюза как частного. Но в судьбе Крулева принял горячее участие зав. ВГКС Репин. Он провел «унитарную систему» на курсах: вместо 6 преподававшихся раньше систем добился постановления Моспрофобра о преподавании на курсах одной — Габельсбергера — Крулева, принял его как педагога, несмотря на протесты комитета, и, в результате, тот получил обратно членскую книжку, как служащий. Таким образом между Репиным и Крулевым заключен тесный союз, а положение, как известно, обязывает. Отсюда их единодушное отношение и к экзамену и... к представителям комитета стенографов.

Что касается т. Трусевич, то ее безграничное доверие к б. частнику Крулеву и столь же безграничное недоверие к комитету стенографов за годы ее руководства экспертной комиссией приобрели громкую известность.

IV

Вернемся к экзамену.

Члены комиссии Трусевич, Крулев и Репин решили инструкцию «углубить»: постановили, чтобы контрольные писали не в паре, а в одиночку.

Уж сколько раз твердили миру, что контрольная стенограмма должна быть фотографией живой речи, с которой нужно сверять (не на все 100%, а приблизительно) работу учащихся, и поэтому она должна быть безукоризненной. Между тем, как раз при стенографировании в одиночку не исключены случаи «отсебятины» со стороны контрольной, которая может подвести экзаменуемого.

Но третий со своим мнением (Фертель) и тут оказался лишним! (К счастью, сами

учащиеся оказались умнее комиссии и потребовали соблюдения инструкции).

Второй день, когда учащиеся должны были стенографировать живую речь, принес неприятный сюрприз: Бюро стенографов не дало контрольных. Плотина была прорвана и полились ничем не сдерживаемые потоки ругани на комитет вкупе с Бюро.

Между тем, Бюро не было виновато в том, что заявка на 3 стенографов была получена от Репина только за сутки до экзаменов, что многие стенографы были в отпуску, а оставшиеся лихорадочно работали на съездах крупного значения, куда их в виду нехватки посылали вчетвером вместо полагающихся пяти.

Еще меньше был виноват комитет, никакого отношения к посылке стенографов не имеющий, если не считать того, что представитель его, все тот же Фертель, висел до 12 часов ночи на телефоне, стараясь добыть стенографов во что бы то ни стало.

Но факт остается фактом. Экзамен так или иначе не состоялся. Комиссия начинает строить разные проекты. У Репина возникла смелая идея — выделить лучших учащихся для ведения контрольной стенограммы. Но даже невинный «эксперт» должен был возразить против этой гениальной мысли.

Что касается экзаменуемых, то, естественно, они были возмущены срывом экзамена и весь огонь, учитывая настроение самой комиссии, был направлен на Бюро и на комитет.

Создалась обстановка, благоприятная для необдуманных поступков.

Кто-то сказал: вредительство. Слово — не воробей, его не поймашь, а тем более, когда оно занесено в протокол как мнение коллектива учащихся. Комиссия вместо того, чтобы остановить разгоряченные головы и указать на нелепость такого обвинения, только потирала руки и трубила на все лады, что вот, мол, РКИ покажет, кому следует. Мало того, комиссия сама присоединилась к мнению учащихся.

Впоследствии учащиеся, чтобы как-нибудь исправить свою ошибку, сделали приписку к протоколу, что они снимают обвинение во вредительстве лично с Фертеля, а оставляют его в силе в отношении комитета в целом (!).

V

Через 2 дня опять собрались экзаменуемые и комиссия, чтобы провести вторую половину экзамена.

Обычно ораторов поставляло Бюро стенографов, но комиссия, одержимая все тем же зудом изобретательства, поручила это дело заву ВГКС, лицу явно заинтересованному.

Зав. заказал в Лекционном Бюро ГПК, откуда ВГКС всегда брали лекторов для живой речи, 3 ораторов — «самых быстрых и тех, которые у нас не были».

Ораторы, конечно, оказались как раз те, которые уже были на ВГКС, и они приняли посильное участие в кампании против... представителя комитета. Невероятно, но факт.

VI

Сначала явился некий Злобин и, как он пишет потом в заявлении, «его поразил шум». Он заинтересовался тем, что так нервнует массу курсантов, и получил ответ от персонала курсов, что это — беседа представителя комитета стенографов с учащимися.

Фертель (сам недавний учащийся ВГКС) действительно в это время говорил с учащимися насчет нелепого «вредительства», но никакого шума, который мог бы «поражать», не было.

— Когда к канцелярию вошли члены экзаменационной комиссии, продолжает свое повествование Злобин, то обращаясь к зав. курсов, я сказал: «На вашем месте я бы попросил представителя комитета вместо того, чтобы нервировать учащихся, пожаловать сюда, если нужно через швейцара». Эти слова услышал Фертель, входивший к канцелярию. Наглая выходка совершенно постороннего лица вывела его из равновесия, и далее случилось то, о чем Злобин сообщает так: «Некто из членов комиссии вскочил и, разбрасывая мне под ноги лежащие на столе предметы, стуча кулаком по столу, начал на меня кричать, впад в явную истерику».

А что комиссия? — спросите вы. Председатель комиссии Трусевич, трусливо бегая глазами, пыталась уверять, что это, мол, в шутку сказано. Об остальных членах говорить не приходится.

Началась живая речь. Фертель, оказывается, так разволновал пресловутого лек-

тора, «пробывшего много лет педагогом», что он больше 100 слов в минуту сказать не мог (0 пятилетке).

VII

Только спустя полчаса появился второй лектор — прокурор Перель. Этот тоже выкинул номер в знак солидарности с «угнетенными» учащимися.

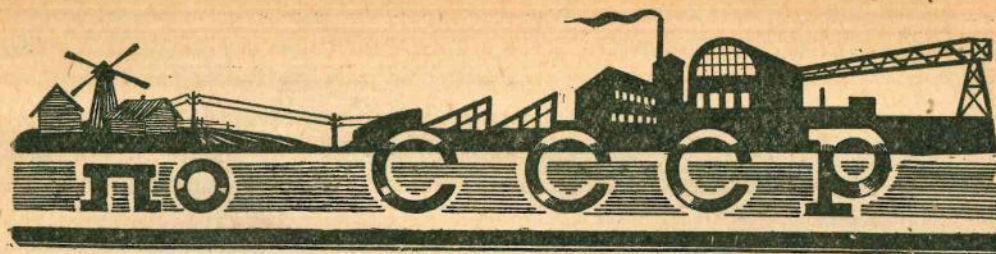
Обычно, экзаменуемым дают писать оратора, когда он овладеет темпом речи. Прокурор начал говорить, но через минуту оборвал и заявил Фертелю: «Почему вы меня не даете? Зачем мучаете учащихся?» Фертель резонно указал оратору, что, во-первых, он говорил еще медленно, а во-вторых, — не его дело вмешиваться. На это последовало: «Позвольте! Я должен вмешиваться — я большевик!» Но чем дальше в лес, тем больше дров. За полторы минуты до конца речи Крулев встает: «Довольно». «В чем дело! Еще осталось 1½ минуты», говорит возмущенный Фертель. Эксперт убийственно смотрит на него и ледяным голосом заявляет: «Мы с Федором Ивановичем (Репиным) следили, уже 10 с половиной минут, вы прохлопали». Кто прав, показали размеры стенограммы, подтвердившие 8½-минутную диктовку.

VIII

Прокурор кончил. Говорил в среднем 130 слов. Проходит 10, 20, 30 мин. Третьего оратора нет. Репин выдвигает версию о том, что третий оратор, мол, забыл адрес, и предлагает повторить первого оратора. (На самом деле было ясно, что третий и не приглашался). Чтобы не срывать экзамена, пришлось согласиться на эту комбинацию. Вторично быв. педагог говорил уже 120 слов на тему о происхождении жизни на земле.

Так, проверялась квалификация стенографа высшей квалификации, который должен уметь «записать доклад и живую речь любой быстроты на заседаниях по всяким вопросам (общественным, научным, специальным)» (см. «типовые характеристики должностей» в «Оф. Бюл.» ЦК ССТС № 15 за 1927 г.).

От редакции. Для проверки сообщаемых в фельетоне фактов была выделена Мосгуботделом нашего союза комиссия, которая подтвердила их правильность. Решения комиссии приведем в следующем номере.

1-я Всероссийская конференция-курсы преподавателей административной техники, стенографии, машинописи и русского языка.

МОСКВА.

Конференция-курсы продолжались 7 дней, но эти 7 дней внесли много нового в мирозерцание и в методы работы съехавшихся делегатов.

К сожалению, не все профобры и курсы отнеслись с должной серьезностью к поставленным конференцией-курсами задачам и не использовали всей предоставленной им нормы представительства. Поэтому, вместо ожидавшихся на конференции с 40 курсов РСФСР 118 делегатов, в работах конференции приняли участие 74 человека, которые разделяются следующим образом: по административной технике — 16 чел., по стенографии — 18, по машинописи — 25, по русскому языку — 55, представителей организаций и учреждений — 10.

В начале конференции были заслушаны доклады НКРКИ СССР (т. Нефедов), ЦК совторгслужащих (т. Селезнев) и Главпрофобра (т. Гублер) о задачах повышения квалификации канцелярских работников в связи с борьбой с бюрократизмом и о новых учебных планах, посвященных переподготовке служащих.

После оживленных прений и заключительных слов делегаты, утвердив в основном целевую установку курсов, разделились на 4 секции.

В секции административной техники был заслушан предварительный доклад т. Нефедова об организации преподавания предметов административной техники, затем последовали доклады о методике преподавания: 1) корреспондирования (т. Нефедов), 2) протоколоведения (т. Иванов), 3) делопроизводства (т. Нефедов), 4) коммерческой корреспонденции (т. Гурьянов — Ленинград), 5) организации канцелярии и конторы, 6) организации и техники работ административного аппарата (т. Нефедов).

В секции по машинописи был заслушан доклад т. Дмитриевского о методике преподавания этого предмета и содоклад И. Менделеева (Ленинград).

В секции по стенографии доклад о методике преподавания был прочитан т. Лапкинским, содоклад, развивший методику преподавания корневых систем, — Н. Крулевым. В этой же секции были заслушаны доклад т. Евфанова (Ростов/Дон) о заочном обучении стенографии, доклады т. Вексман:

1) об унитарной системе стенографии и 2) о применении стенографии в соваппарате. Кроме того, по желанию секции было сделано небольшое сообщение прибывшей на конференцию молодой татаркой т. Батершиной (Казань) о создании татарской стенографии, вызвавшее большой интерес.

В секции по русскому языку докладчиком по методике преподавания был т. Фридман, который, кроме того, сделал небольшой доклад об увязке преподавания русского языка с протоколированием и редактированием стенограмм на стенографической секции и полный доклад о значении русского языка для курсов повышения квалификации канцработников и особенностях преподавания — на пленуме конференции.

В секции были детально проработаны программы по всем предметам учебных планов и квалификационные требования.

На пленуме были заслушаны весьма интересные доклады д-ра Бружеса (Институт Техники Управления) о гигиене конторского труда, проф. Левитова (Институт Профбизнеса им. Обуха) — о психотехнике и проблеме профессионального отбора, тов. Фолькмана — о технике конторского оборудования за границей, тов. Гольцева (И-т Техники Управления) — о разработке стандартной клавиатуры, тов. Вексман о журнале «Стенография и Машинопись».

Все доклады вызвали много вопросов и записок, а по последнему докладу развернулись весьма оживленные прения.

Работа конференции-курсов и на пленумах и в секциях протекала при неослабевающем интересе и активности делегатов. Несмотря на непродолжительность конференции-курсов, последние, по отзывам делегатов, во многом способствовали поднятию квалификации и расширению кругозора у преподавателей. С другой стороны делегаты, приняв в основном предложенные методкомиссией Главпрофобра материалы, своим активным и деловым обсуждением внесли немало ценных коррективов в программы и четко поставили все организационные проблемы курсов.

Эта первая конференция преподавателей курсов канцработников вполне оправдала себя и послужит мощным толчком в деле повышения квалификации служащих.

Е. Н.

Первые шаги Поднимаем квалификацию

КАЛУГА.

Еще совсем недавно калужские машинистки только по наслышке знали, что где-то существует замечательный метод письма «с закрытыми глазами» и всеми десятью пальцами, еще год назад в Калуге не было машинисток, работающих по слепому методу. А желание поучиться, увеличить скорость письма, рационализировать его у многих было огромное, особенно после всеобщего конкурса машинисток.

Однако, когда в прошлом году в Калуге появились частные курсы машинописи, они не удовлетворили наших желаний. Широкая реклама говорила о преподавании по слепому методу, но из трех десятков учеников только несколько обучались так, а остальные «по зрячему».

Плата 8 руб. для членов союза и 10 руб. для нечленов была далеко не по карману калужским машинисткам. В результате на курсах членов союза было мало, переквалифицирующихся еще меньше, большинство составляли вновь обучающиеся, по окончании увеличившие и без того достаточное число машинисток на бирже труда.

И только в декабре 1928 года ОРУ при губотделе ССТС открыло курсы, отвечающие запросам дня: **не печь новых машинисток, а поднять квалификацию имеющихся.** Из 32 курсантов (все они члены союза) вновь учатся машинописи только 8, слушающих на курсах 18 человек, из них за 9 ч. вносят плату учреждения, 5 безработных оплачивает губотдел, для остальных плата (6 руб. в м-ц) сравнительно по силам.

Обучаются машинистки по слепому десятипальцевому вертикальному методу, но интересно то, что две из них, пройдя все необходимые упражнения, отказались от слепого метода, как трудного. Я считаю, что это до некоторой степени малодушие, что не следует отступать перед трудностями и отказываться от слепого письма, ибо трудности эти безусловно одолеть можно, а преимущества слепого письма неоспоримы.

Занятия на курсах проводятся по группам в 6 человек, 5 раз в неделю по 1 часу

по машинописи и 1 раз — по делопроизводству, коммерческой корреспонденции и обществоведению. Прохождение этих предметов также новшество для наших машинисток, особенно ценное теперь, так как в связи с районированием Калужской губернии нужны делопроизводители-машинистки, секретари-машинистки, корреспонденты и пр.

До сих пор в Калуге почти не было машинисток, знающих устройство машинки и разные ее системы. Сейчас на курсах ученики по очереди работают на машинках разных систем, привыкают к ним, привыкают к восковкам, к разным формам различных бумаг, ко всем приемам машинописного письма.

Недостаток данного выпуска — позднее открытие курсов, благодаря чему приходится работать летом (выпуск намечен в середине августа), а летом, помимо желаний отдохнуть, погулять, начинаются отпуска, отъезды курсантов, временные работы и пр., отчего высокая, почти стопроцентная «зимняя» посещаемость теперь несколько понижалась.

Отсутствие специального помещения и специальной мебели также дает себя знать: 6 машинисток сидят вокруг одного стола на высоких табуретках, попитры домашнего изготовления стоят не прямо перед глазами, а сбоку. Правда, может быть ОРУ и не по средствам сразу оборудовать помещение по всем правилам, но все же надо добиться, чтобы курсы не только обучали работников, но и были примером того, как нужно этих работников охранять.

На отдельном столике лежит наш журнал «С. и М.». Судя по его виду, он читается курсантами, но активного участия в журнале никто из них еще не принимал. Будем надеяться, что и это не за горами, и, приобретая новые, невиданные в Калуге методы работы, машинистки унесут в свои учреждения и те идеи общественности и активности, которые воспитывает наш журнал.

О. Михайлова.

Как можно испортить хорошее начинание

САМАРА.

15 июня закончили свою работу самарские курсы по повышению квалификации канцработников при средне-волжском облотделе ССТС, открывшиеся осенью пр. г.

Этот первый опыт в Самаре при отсутствии руководства со стороны центра имел большие недостатки, особенно организационного порядка.

Прежде всего при комплектовании курсов выяснилось, что половина поступавших не отвечала требованиям инструкции Глав-

профобра РСФСР в части, касающейся образовательного ценза. Эта половина оказалась с образованием ниже семилетки, порой — значительно ниже. Но в то же время в эту половину вошли наиболее интересные и ценные для госаппарата работники — молодняк, партийцы, комсомольцы, общественники, сельские работники и нацмены. Благодаря этому пришлось, с разрешения окрОНО, снизить приемные требования. Были организованы 2 группы —

«пониженная» и «повышенная». В соответствии с этим была взята и разная установка в указанных группах: в одной более замедленный темп прохождения программы, по иному методу, чем в другой.

Уже к началу нового 1929 года в работу курсов была внесена сумятица. Президиум Союза вынес решение о слиянии этих двух совершенно разнородных групп. Образовалась группа в 60 человек! Протесты педсовета не помогли. Дальнейшая учеба, естественно, была скумкана: так, например, вместо административной техники пришлось ограничиться только корреспонденцией. Со стенографией дело обстояло еще хуже: понизить квалификационные требования, намеченные в 75 и 90 слов, было нельзя, с другой стороны, предлагалось уложиться во что бы то ни стало в один академический год. Началась бешеная гонка, стали отгрызаться на заданиях на дом. Это — при необходимости посещать курсы 5 раз в неделю и наличии 5 предметов (корреспонденция, машинопись, стенография, русский язык, обществоведение)! Это — для служащих после рабочего дня!

И только к концу учебного года, когда педсовет увидел изнеможение перегруженных слушателей, задания на дом были оставлены. Решено было дать слушателям то, что они в состоянии взять с курсов без особых подталкиваний.

К тому же был еще весьма существенный недостаток, влиявший на ход и качество работы: отсутствие заведующего учебной частью.

В результате с октября 1928 г. по 15 июня, т. е. к выпуску, было доведено 29 чел., из которых 25 чел. получили ту или иную (конечно, пониженную против предполагаемой) квалификацию — машинистов 1-й и 2-й катег. и корреспондентов, частично со знанием стенографии. Что касается скорости стенописи, то трое получили скорость в 75 слов, а остальные в 60 слов.

Сами окончившие, видя свою «недоделанность», решили с осени пройти еще 3-й семестр для того, чтобы подойти к финишу. Педсовет поддерживает это желание. Слово за союзом.

Г.

Урок стенографии на самарских курсах канцработников.

Больше внимания профвредностям

Чем больна машинистка

РЯЗАНЬ.

Машинистки Дворца Труда жалуются на боль в конечностях рук, некоторые из них показывают треснутые пальцы. Машинистка Рязпайторга Н. Сафонова две недели болела растяжением жил.

Общие жалобы — машинистка очень утомляется после работы. Лица многих малокровны.

В 1925 г. и в 1927 г. санитарные инспектора губотдела труда гг. Гаузнер и Павлов изучали условия труда узкой группы машинисток. Как тот, так и другой утверждают, что в результате они получили интересный материал о причинах утомляемости, но ходу своему материалу они не дали. Занимались они изучением причин утомляемости по своей инициативе. Это похвально. Но, то, что вся работа покрыта сейчас пылью годов — это никуда не годится. Тов. Павлов по этому поводу говорит:

— Работа интересная. Но в серьез мы ею не занимались, потому что... не было предложения от союза.

Такова установка санинспекции. Немного странная установка — ждать, когда предложат.

Миновал губстрахкасса, потому что нам сказали, что там материала о машинистках не найдешь, мы пошли в губздравотдел. В беседе с зав. санитарным подотделом тов. Ведерниковым выяснили, что губздрав этим вопросом не интересовался, что у него

на очереди промышленность, а о машинистках он и не думает.

— У нас один врач по профвредностям. Нет и средств.

Причины, в самом деле, уважительные. Но забывать о специфическом труде машинисток губздраву все же не к лицу. Тов. Ведерников нас убеждал, что труд машинисток изучен в Москве и Ленинграде и что пока нет смысла дублировать эту работу, а о местных условиях — стоит ли говорить...

Снова с тов. Ведерниковым мы встретились в кабинете директора санитарно-бактериологической станции, где директор тов. Фрейдли и присоединившийся к нему тов. Ведерников, наконец, решили, что надо всесторонне обследовать условия труда и быта и состояние здоровья машинисток.

При наличии в Рязани свыше 100 машинисток эта работа займет два месяца. В ней будет занято не менее 6 врачей специалистов, но весь вопрос упирается в средства. Санбастанция подсчитала, что на изучение каждой машинистки надо израсходовать 3 рубля. Этим средств Губздрав не имеет. Всего для проведения сложной и интересной работы надо затратить до 400 рублей. Нам кажется, что их должны изыскать союз совторгслужащих, другие заинтересованные союзы и страхкасса.

Ротальский.

„Боевой“ темп работы

САМАРА.

При организации и развертывании в Самаре профдиспансера машинисткам удалось (благодаря внимательному отношению ряда работников облздрава и профдиспансера) одним из первых включиться в план его работ. Мы пока — единственная группа служащих, которые намечены к профдиспансеризации на ближайшее время, ибо наш профдиспансер включает в план своих работ, главным образом, рабочих производств, наиболее характерных для Средне-Волжской области (мукомольных, литейных и друг.).

Первоначально предполагалось произвести обследование таким путем: все машинистки города (и не только союза СТС) должны были быть прикреплены к районным амбулаториям для всестороннего медицинского осмотра. Бытовое обследование предполагалось произвести силами профдиспансера. В результате обследования больные работницы должны были отправляться в областной физиатрический институт или в другие лечебные заведения. Изучение материалов обследования должно было также установить наиболее вредные факторы на производстве с целью их устранения.

Мы было совсем уже ожили, нам же чудилось, что близится наше оздоровление. Но... скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

В силу своей «молодости», недостаточного оборудования и ограниченности штатов профдиспансер не в состоянии выполнить намеченную работу в той форме, о которой я говорила выше. Правда, он договорился с областным физиатрическим институтом о прикреплении к амбулатории института наших работниц для гинекологического обследования, чтобы выяснить влияние сидячей жизни на женский организм.

Амбулатория за обследование взялась, но и здесь дело, кажется, пойдет очень медленно. Так, она может обследовать в неделю только четырех человек, а если принять во внимание, что по одному союзу СТС насчитывается 209 машинисток да еще столько же, если не больше, их по другим союзам, то обследование займет... два года. Это только в гинекологическом отношении, а об остальном даже и думать страшно.

При таком темпе работы обследование машинисток будет закончено лет этак через 15,

если же принять во внимание, что разработка материалов этой грандиозной работы будет производиться также 15 лет, то можно с уверенностью сказать, что за это время большинство из работниц выйдут из строя за смертью или по инвалидности, и работать в оздоровленных условиях будут наши дети, если не внуки.

Мы не упрекаем профдиспансер, ибо причины, о которых мы писали выше, — не его вина. Остается пожалеть, что дело обстоит именно так. Мы все же надеемся, что по окончании завершения районирования амбулаторий порядок, существующий сей-

час, будет изменен, и работа будет проводиться по ранее намеченному профдиспансером плану.

Бытовое обследование (анкетное, согласно выработанной профдиспансером карте) взялся провести актив машинисток союза СТС с помощью и под непосредственным руководством профдиспансера, ибо у него слишком маленький штат, который физически не в состоянии проделать эту работу. Надеемся, что с порученной нам работой мы справимся.

Н. Плеханова.

Подремонтируемся за лето

КАЛУГА.

Весна еще только начиналась, когда в калужский, да, наверное, и во всякий другой губотдел союза посыпались заявления об отправке в санатории, курорты и дома отдыха. Казалось бы, что машинистки, труд которых вреднее и изнурительнее труда многих других групп, должны были больше нуждаться и в лечении, между тем заявлений от них поступило сравнительно мало: с просьбой об отправке в туберкулезные санатории в губотдел обратилось 6 машинисток, с нервными болезнями — 1, с сердечными — 1. Вот и все.

Нельзя, однако, думать, что этими цифрами исчерпывается вся нужда машинисток в лечении. Когда я интересовалась этим вопросом, то не встретила почти ни одной машинистки, которая бы не жаловалась на то или иное недомогание. Например, в одном учреждении из 9 машинисток две лечатся в туберкулезном диспансере, одна от неврастении, однако, они и не мечтают о санатории.

— Что же вы не добиваетесь отправки на курорт?

— Что же добиваться, все равно не пошлют, мест нет: вот отпуск будет, отдохнем. Хорошо бы в дом отдыха попасть, да и там мест нехватает.

К сожалению, это правда. За весь 1928 г. в санаторий была направлена только одна машинистка (заявлений в губотдел было 11), в этом году одна направлена в туберкулезный санаторий, а на дальние курорты ни в прошлом, ни в этом году не направили ни одну.

Вся беда в том, что в губотделе слишком мало мест, чтобы удовлетворить ими, хотя бы сравнительно сносно, нуждающихся.

Легче попасть в дом отдыха: в 1928 году по всей губернии было послано в дом отдыха 17 машинисток. Желаящих поехать в дом отдыха, конечно, гораздо больше — вот и приходится большинству машинисток только мечтать о специальном отдыхе и ремонтироваться для зимней работы своими силами. А ремонт этот необходим, ибо, повторяю, не было почти ни одной машинистки, которая на мой вопрос не пожаловалась бы на малокровие, неврастению, переутомление, а то и на кое-что похуже.

Поэтому надо особенно приветствовать увеличение отпуска для машинисток. Этот затаенный, больной вопрос в нашем губотделе с каждым годом разрешается все благоприятнее. Так, в 1928 году месячные отпуска были даны в 9 учреждениях по н/союзу, трехнедельные в 7, а в этом году по договорам месячные отпуска установлены в 14 учреждениях и трехнедельные — в 11.

Теперь союз добивается увеличенных отпусков в тех учреждениях, где это не оговорено договором, но еще больше союз должен сделать в отношении курортов и домов отдыха. Надо принять все возможные меры к тому, чтобы обеспечить машинисток местами в санаториях и домах отдыха, памятуя о вредности этой профессии.

М.

В Бугуруслане

11 июня союзом советскослужащих было созвано общее собрание машинисток.

Были приглашены также управделами и секретари бугурусланских учреждений.

Был прочитан доклад о результатах обследования труда машинисток в нескольких наиболее крупных учреждениях.

Развернувшиеся прения вынесли на поверхность много безотрадного и заставили машинисток серьезно призадуматься над тем, как добиться более человеческих условий труда.

Вот вам форточка...

— Сделайте форточку!

Это требование созрело в спертом воздухе маленькой комнаточки окрсада, где помещаются три машинистки.

Завхоз был против форточки. Принципиально.

Но форточку сделать все же пришлось.

Тогда завхоз отдал распоряжение меньше топить (надо ж живому человеку душу отвести).

Машинистки мерзли. Завхоз посмеивался:

— Вы же хотели форточку...

— Ваше желание выполнено...

— Что, не нравится?

Когда машинистки отказались работать за специально заказанными для них столами из-за нелепейшей конструкции этих столов, тот же завхоз отечески их пожурил:

— Ах, привередницы, ах, выдумщицы! То им не нравится, это не нравится. Скоро запросите мягких подушек на сиденье.

И столы были поставлены, невзирая на явную их непригодность.

Бумага, переписанная восемь раз

В Окрке машинистка переписывала одну бумагу восемь раз. Каждый раз с новыми поправками. Тщательно составлялась бумажка, надо думать.

В маленькой комнате, где помещаются три машинистки, сидят еще два регистратора, через окошечко дающие разные справки. Тут же и телефон.

Одна из машинисток работает на допотопнейшем рыдване, носящем поэтическое имя «Баян».

Чтобы на ней работать, нужно не столько умения, сколько выдержки в характере. Словом, веселая у машинисток Окрка жизнь.

Крайние меры.

Машинистке Госсельсклада по ночам снились кошмары: спины посетителей, упрямо загораживавшие ей, машинистке, свет.

Днем то же самое происходило на яву. Машинистка неоднократно умоляла посадить ее поближе к свету.

Не помогало.

Однажды машинистка заявила:

— Если не пересадите, я разобью машинку вдребезги.

Пульса у машинистки в это время никто не сосчитал. Но все-таки к окну пересадили. Помогло.

Половая щетка на службе у рационализации.

Что делать машинистке, если администрация не соглашается приобрести резиновые ножки для машинки?

Взять половую щетку и, отпилив круглые деревянные, поставить упомянутые деревянные под машинку.

А если не дают войлока под машинку?

Взять байковое старенькое одеяло и, отрезав подходящий кус, оным кусочком войлок заменить.

Если бы Робинзон Крузо был машинисткой в Окрпрофбюро в Бугуруслане, он поступил бы безусловно точно так же.

От корочки до корочки.

Пишущий эти строки захватил с собою на собрание два экземпляра журнала «Стенография и Машинопись». Оказалось, что машинистки и понятия не имели о таком журнале.

Взявшие его на дом жадно его сейчас читают от корочки до корочки и поражаются, что где-то труд машинистки не забыт, что устраиваются рациональные бюро и что журнал ведет борьбу за эти улучшения.

Многие выразили твердое желание подписаться на журнал.

Е. Ташевская.

На „Соколе“ все то же

ВОЛОГДА.

Снежная вологодская зима сменилась поздней и холодной весной; весна — душной и жарким летом, а на фабрике «Сокол» — все без перемен.

Все также машинистки сидят в полутемной комнате, все также через комнату ходят в контору люди, все также из лаборатории несутся запахи эфира, спирта или еще чего-нибудь похуже.

Какие-то попытки, правда, делались. Во всяком случае два раза составлялся акт. Последний был подписан 7 мая. В нем говорилось, что машинисток необходимо перевести в более светлое помещение, но результатов не последовало никаких, если

не считать шуточного предложения тов. Маркова (одного из подписавших акт) — побелить стену, заслоняющую машинисткам свет.

Между тем по соседству с машбюро имеется два кабинета: начальника новых работ и инженера строительства.

И тот и другой очень мало сидят в своих кабинетах, и занимает их, главным образом, одна копировщица.

Неужели нет никаких способов разрешить вопрос с помещением для машинисток и неужели никак нельзя преодолеть чью-то косность или непонятное упорство, стоящие на пути разрешения этого вопроса?

Н. Цветкова.

„Нам некогда с вами возиться“

СВЕРДЛОВСК

Машинистку Ильиных приняли на работу в Магнитострой с двухнедельным испытательным сроком. По истечении двух недель продлили испытание еще на неделю. А затем решили Ильиных уволить, как не имеющую должной квалификации.

Ильиных потребовала экспертиза. При экспертизе присутствовали управделами Магнитостроя, член месткома Бадерко, старшая машинистка Дальняя и представительница бюро объединения машинисток.

Кто станет отрицать, что перспектива лишиться куска хлеба — достаточное основание для того, чтобы волноваться?

Во всяком случае член месткома и старшая машинистка точно учли это в своем желании избавиться от машинистки Ильиных.

Ильиных работала последнее время на машинке со старой клавиатурой. На экспертизе ей пришлось работать с новой.

Когда она об этом заявила, член месткома т. Бадерко ей сказал:

— Довольно вам капризничать, работайте если хотите, нам некогда с вами возиться.

А старшая машинистка Дальняя, оказывая братскую поддержку товарищу по работе, все время радостно щебетала, что если бы она чтонибудь значила, то «у нее» не было бы в бюро таких плохих машинисток, потому что, помилуйте, не может же она работать одна за всех!

Нужно ли удивляться, что под accompa-

нимент этих разговорчиков Ильиных на должной высоте не оказалась.

Представитель бюро объединения отказался дать какое-либо заключение о работе Ильиных, т. к. было ясно, что от Ильиных просто хотят избавиться. Экспертиза была повторена при Облотделе н/союза, и там, в нормальной обстановке, Ильиных ее выдержала.

Характерная деталь: когда представитель бюро объединения машинисток позвонил по телефону управляющему делами Магнитостроя и попросил сообщить ему фамилии члена месткома и старшей машинистки, управделами отказался их назвать, говоря, что он не знает (?) их фамилий.

Ну что ж? Если в учреждении областного масштаба можно не знать по фамилии своих сотрудников, то можно и не знать разницы между товарищеским и бездушным отношением к живому человеку.

Вообще нужно сказать, что когда в машинописное бюро приходит новая машинистка, на нее смотрят как на врага, даже если она приходит для замещения ушедшей в отпуск. Из этого следует сделать вывод, что у нас очень слаба воспитательная работа среди машинисток, вернее, ее совсем не ведется. Нужно почаще созывать общие собрания машинисток, нужно втягивать их в общественную работу, нужно научить их относиться друг к другу по-товарищески.

А. Низовцева.

Наш семейный вечер

РОСТОВ-НА-ДОНУ.

Да, у нас был семейный вечер. Правда, мы от него ждали большего, но что поделаешь, не всегда выходит так, как хочется. У комитета была благая цель — соединить приятное с полезным: пригласить хозяйственников и постараться им втолковать святое для нас дело — внедрение стенографии в канцелярию.

Распространили по крупным и мелким краевым учреждениям около 200 билетов и надеялись устроить смышку с управделами, секретарями, а может быть, и повыше. Председатель комитета должен был сделать доклад на тему о внедрении стенографии в канцелярию и о прочих связанных с этим хороших вещах.

Стенографы явились в большом количестве и привели своих родных и друзей, но хозяйственники, очевидно, нашли более интересное времяпрепровождение... Доклад не состоялся. Не рассказывать же о внедрении стенографии... стенографам.

Концерта ждали с 8 часов до 10 час., так как обещанные культотделом союза артистические силы нашего клуба во время не явились. Начав в 10 час., закончили в 11 ч. — не было больше номеров. Угощали нас почти исключительно балетным искусством клубного кружка.

Публика разошлась неудовлетворенной: цель вечера не была достигнута, не получилось ни смычки, ни самодеятельности.

Лучше было бы привлечь силы самих стенографов. Тогда программа была бы интереснее, разнообразнее и шире, а главное, был бы вечер самодеятельности, где стенографы проявили бы себя по мере своих сил и способностей. Ведь и мы не лыком шиты, нашли бы и у нас какие-нибудь таланты.

Будем надеяться, что следующий вечер будет более удачным.

Хотелось бы услышать, как проходят вечера стенографов в других местах, бывают ли экскурсия и проч.

О. Чебасова.

О криптографии

Распространено представление, будто в прежние времена, начиная со средних веков, криптография, или тайнопись, употреблялась лишь для дипломатических целей или для забавы.

В высшей степени интересные указания дает по этому поводу фон-Кунов в немецком журнале «Архив по истории математики, естественных наук и техники» (2 том за 1928 г.).

Из этой исторической справки мы узнаем, что шифрованным письмом пользовались некоторые гениальные ученые в виду постоянно происходившего гонения на новые идеи.

В XIII веке так поступал известный францисканский монах Рожер Бекон, продолжавший в изгнании свои теоретические работы.

В XV веке Коперник значительную часть своих работ и открытий изложил при помощи тайного письма, понятного лишь немногим посвященным.

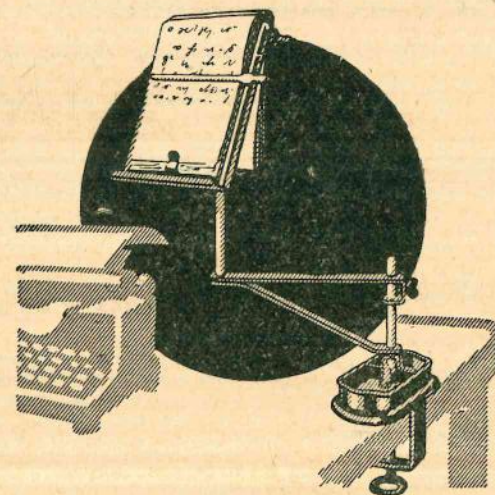
Галилей писал шифром, ключом к которому располагали лишь немногие его друзья.

Франциск Бекон не только пользовался тайнописью, но прибегал также к языку аллегорий, непонятных для большинства.

Криптография сохранила для потомства много гениальных идей и учений, но многое несомненно является навсегда утраченным, т. к. не могло быть расшифровано. Тем не менее ясно, что родственное стенографическому — криптографическое письмо оказало в прошлом неценные услуги историческому и научному прогрессу. (Deutsche Stenographenzeitung).

Вращающийся текстодержатель

Фирма G. Roeder, которая уже давно известна на рынке как поставщик новостей, предлагает текстодержатель нового типа. Текстодержатель этот, как видно из рисунка, прикрепляется винтом к любому столу свади или сбоку пишущей машины. Отдельные части держателя подвижны. Держатель может

быть приближен или удален от глаз печатающего без перестановки. Плоскость, на которой помещаются тексты, может быть наклонена под любым углом. Имеются в продаже текстодержатели подобного типа как с подвижной, так и неподвижной стрелкой, подчеркивающей перепечатываемую строку текста.

О стенографии в Сиаме

В стенографическую литературу проникает мало сведений о положении стенографии в так называемых экзотических странах.

Интересная статья о распространении стенографии в Сиаме (в западной части Индокитайского полуострова в Азии) помещена греческим автором Худавердоглу на страницах «La Vérité Stenographique». Более 15 лет тому назад чиновник министерства финансов Сиддибара применил систему

Питмана к сиамскому языку, и целый ряд министерств и других высших учреждений в настоящее время обслуживается этой системой. Перевод стенограмм на сиамское письмо делается при помощи пишущей машинки, изготовленной по особому заказу короля. В последнее время венгерский ориенталист — Глок — изобрел новую систему сиамской стенографии, которая в скором времени будет напечатана.

(La Vérité).

При помощи стенографии

В издании Брокгауза в Лейпциге вышла интересная книга: Эмилий Рыбичка «В богданном Афганистане», в гостях у эмира. Автор — австрийский офицер — в начале мировой войны был взят в плен русскими под Перемышлем и отправлен в Казанлык на Аральском море, потом содержался в концентрационном лагере в Самарканде.

Вместе с двумя другими военнопленными ему удалось бежать и пробраться в Афганистан, в Кабул. В течение четырех лет им пришлось оставаться в Кабуле и они были свидетелями событий, связанных с убийством эмира Хабибуллы, борьбы Афганистана за независимость против англичан при Аманулле, а также наблюдать быстрый политический и экономический подъем страны.

Наконец, Аманулла разрешил им покинуть Афганистан. После долгих странство-

ваний с караваном они пробрались в Индокитай, где были арестованы англичанами, заподозрившими в них русских коммунистов.

Все свои наблюдения Рыбичка записывал стенографически и в виду постоянных обысков запрятал свой дневник в походную флягу, благодаря чему он уцелел.

Так как подозрения англичан не оправдались, он получил разрешение отправиться в Бомбей, сел здесь на немецкий пароход и благополучно вернулся на родину.

Благодаря своим стенографическим записям Рыбичка написал книгу об Афганистане, представляющую лучшую монографию, посвященную описанию Афганистана, и дающую ценные научные сведения о природе, почве, истории, и культуре этой страны. (Deutsche Stenographenzeitung).

Выставка конторского оборудования

В октябре тек. года в Брюсселе состоится международная выставка современного конторского устройства.

К участию в качестве экспонентов приглашаются все бельгийские и иностранные фирмы, снабжающие канцелярскими и кон-

торскими принадлежностями, пишущими и счетными машинами, диктофонами, мебелью, топливом, освещением, приспособлениями для печати, литографии и пр.

Выставка продлится 11 дней. («L'étoile Sténographique»).

Нужна ли стенография в судопроизводстве?

Этот вопрос, имеющий важное социальное значение, был предметом обстоятельного рассмотрения на международном конгрессе в Будапеште (осенью 1928 г.). В дальнейшем он подвергался обсуждению на страницах органа итальянской стенографической академии, французского журнала «La Verite Stenographique» и др.

В «La Verite» напечатана интересная статья под заглавием «Стенография в судопроизводстве». Автор сообщает, что более 30 лет тому назад, в июне 1896 года, представитель палаты депутатов Мишелен внес законопроект о введении в судопроизводстве стенографии для записи на предварительном следствии показаний свидетелей и обвиняемых. Автор законопроекта указывал на неправильность обычного способа этой записи, при котором судья резюмирует показания, диктуя их секретарю. Немудрено, если потом, во время судебного разбирательства, и свидетель и обвиняемый нередко не узнают своих показаний, сделанных ими в совершенно другом стиле, и отрекаются от них.

Предложение Мишелена было направлено в комиссию юридических реформ, где не получило движения. Однако, оно стало известным в стенографических кругах и — как это ни странно — именно там оно встретило ожесточенных противников.

При обсуждении этого вопроса на VII международном стенографическом конгрессе в Париже в 1900 году стенографы также

отнеслись враждебно к этому проекту. В настоящее время профессиональная ассоциация французских стенографов в своем органе, присоединяется к положениям, излагаемым в юридическом журнале «Moniteur des Juuges de Paix», в котором приведены выдержки из брошюры Бонфуа, напечатанной по этому вопросу в 1909 году.

Автор этой брошюры говорит, что стенографическая запись показаний, даваемых на предварительном следствии, представляет опасность для обвиняемых, для судей и для стенографов. Для обвиняемого — потому, что нередко на предварительном допросе он говорит и мыслит спутанно, смущенный непривычной и неприятной для него обстановкой. Зафиксировать его слова буквально в таком виде может быть и несправедливо: важно отметить не то, что он говорит, а то, что он хочет сказать. Это и достигается сокращенной записью, диктуемой судьей секретарю. Кроме того, чтобы стенографическая запись была дана для прочтения и подписи обвиняемым и свидетелем, потребуется еще некоторый промежуток времени для перевода стенограммы.

Для присяжного стенографа опасность заключается в том, что он, по существу, не всегда может гарантировать безупречную точность своей записи, от которой нередко зависит честь, свобода и даже жизнь подсудимого. Кроме того, труд стенографов в этой области может оказаться непосильным, требуя иногда 2-х и 3-часового бессменного стенографирования.

Опасность для судьбы заключается в том, что ему трудно будет разобраться в большом количестве записанного материала, где затеряются те или другие наиболее важные места. Немедленно по окончании допроса ни судья, ни секретарь, ни обвиняемые, ни свидетели не смогут подписать протокол. Наконец, откуда взять 400—500 хороших стенографов, рассеянных по всей территории Франции, чтобы прикрепить их к такому же количеству следственных участков? Если же и нашлось бы достаточное количество стенографов, насколько это удорожит судебную процедуру?

«La Verite Stenographique», приводит по этому поводу небольшой отрывок принадлежащий перу Анатоли Франса, в котором писатель со свойственной ему тонкой иронией дает наглядный образчик того, как в действительности составляются акты предварительного следствия. «La Verite» решительно высказывается в пользу введения стенографии в судопроизводстве.

Возможные ошибки в записи стенографов представляют меньше опасности извращения показаний обвиняемых и свидетелей,

так как в общем запись все-таки отразит точный характер дознания. Обилие записанного материала не должно запутать судью, так как не вся стенограмма, а лишь важнейшие ее части, по указанию судей и сторон, должны переводиться, остальное поступает в архив, откуда, однако, в случае необходимости, всегда может быть извлечено.

Не беда и то, что протоколы нельзя будет подписать немедленно по окончании предварительного следствия: это лишь традиционная формалистика, от упразднения которой ведение дела нисколько не пострадает. Разумеется, сразу не найдется необходимого числа судебных стенографов, — их нужно будет формировать. Бюджетная сторона, естественно, также должна играть второстепенную роль в виду важности задач правосудия.

(Мы сомневаемся, чтобы «правосудие» буржуазных стран было заинтересовано в применении стенографии для объективного освещения судебного процесса — Редакция).

А. Б.

По стенографическим Европам

ГЕРМАНИЯ.

Немецкие стенографические журналы деловиты, скромны по внешности, но весьма содержательны. Они полны сведений о жизни ферейнов, бундов, фербандов. Немцы весьма склонны к общественной жизни, по самым неожиданным поводам ими создаются объединения.

Немецкие стенографические журналы разделяются по системному признаку. Каждый орган представляет какую-нибудь систему. Один из последних межсистемных строго научных журналов, выходящих в Германии («Archiv für Stenographic»), посвященный истории стенографии, некоторое время тому назад покончил свое существование.

Наиболее видными органами, задающими тон немецкой стенографической жизни, являются: «Deutsche Sténographhen-Zeitung», издаваемый всегерманским союзом по унитарной системе, и «Der Deutsche Stenograph» — орган системы Штольце-Шпей.

К каждому из этих журналов издается ряд приложений стенографического (значками) и типографского (наборного) текста. При первом: «Kurzschrift und Wissenschaft» (стенография и наука), статьи научно-стенографического содержания, напечатанные по первой ступени унитарной (Verkehrsschrift). При втором: «Stolze Schrey Wart» (журнал для юношества), Stenographische Lesehalle «Die Debatte», «Der Blitz» (стенографический материал для чтения), «Der Vereinsbote» (вестник ферейнов), «Der Uebungabend» (размеченный для диктовки текст на разную скорость).

Из других стенографических немецких журналов нужно упомянуть «Deutsche Kurzschrift». Этот журнал уделяет особое внимание введению стенографии в школу и привлечению общественного мнения к изу-

чению стенографии детьми до овладения обычным письмом. Редактором журнала является Карл Кригер.

Нельзя обойти молчанием внесистемный орган парламентских стенографов «Stenographische Praxis» (стенографическая практика). Журнал выходит в Берлине под редакцией старейших стенографов рейхстага д-ра Бурмайстера и Дрекса. В одном из последних номеров этого органа помещена сочувственная нам статья Георга Даака «О стенографической практике в России» — с приведением циркуляра Наркомтруда об условиях труда съездовых стенографов (21 июля 1928 г. за № 419).

В Праге выходит на немецком языке орган ортодоксальных габельсбергерянцев, не признающих унитарной системы — «Stenographenblatt gabelsberger». Несмотря на свои скромные размеры, журнал очень содержателен, его талантливо ведет профессор Камилло Поппер. При журнале выходит «Stenographisch-s Uebungsblatt» — стенографическое приложение по старой доброй системе Габельсбергера.

ИТАЛИЯ.

Большое количество выходящих стенографических объединений, частые конгрессы, — все это говорит о расцвете стенографии в стране Тирона.

Пресмыкание перед господствующим фашистским режимом и его кумиром — Муссолини господство частной инициативы, — все это накладывает специфический отпечаток на стенографическую жизнь Италии.

Научная стенографическая мысль Италии, однако, может гордиться наличием в Падуе Академии стенографии и ее органа «Bollettino della Accademia Italiana di Stenografia». Президент Академии профессор Джу-

зепе Алипранди является видным ученым и сумел поставить «Bollettino» на должную высоту.

Ныне этот орган является лучшим в Европе стенографическим журналом по серьезности и интересу помещаемых в нем статей. Сотрудниками журнала являются виднейшие деятели стенографического движения всех стран континента. Журнал выходит с 1926 г. раз в три месяца книжками в 64 страницы текста и с обилием стенографических авто-типов. Журнал уделяет много внимания зарубежной стенографической жизни, в частности СССР, о стенодвигении которого было помещено в разное время несколько статей как советских авторов, так и из буржуазного лагеря. Своим вниманием к стенографической жизни за рубежом орган Алипранди «Bollettino» выгодно отличается от других итальянских стенографических журналов, которые обычно мало интересуются тем, что выходит за пределы узко-национального круга.

Из других итальянских журналов надо отметить «Lettura stenografica», во главе которого стоит председатель организационного комитета по созыву международного стенографического конгресса в Неаполе в 1931 г. Значительная часть материала, помещаемого в этом журнале, посвящена конгрессу.

Ежемесячник «Stenografia popolare» издается Оскаром Греко в Неаполе. Оскар Греко, несмотря на свой преклонный возраст, со всем пылом итальянца ратует за внедрение в широкие массы своей переработки системы Габельсбергера - Ноз. Однако, большими успехами похвалиться он не может. Несмотря на ярую оппозицию Оскара Греко и его приверженцев по отношению к проведению в Италии унитарной системы, помешать этому им, повидимому, не удастся.

Упомянем еще о двух журналах — о «Rivista degli Stenografi» — ежемесячном органе Тосканского стенографического института во Флоренции — и «Stenografica» — двухмесячнике, выходящем в Асти. Последний представляет собой вообще редкий за границей межсистемный орган. Оба журнала пробавляются, как правило, выдержками из других журналов и значительного интереса не представляют.

ПОЛЬША.

Если судить о польской стенографической жизни по ее стенографической прессе, то вывод для Польши получится довольно печальный. Единственный польский стенографический журнал «Stenograf polski», выходящий с 1920 г., появляется весьма нерегулярно: раз в несколько месяцев. Его тонкие тетради в голубой обложке производят весьма непрезентабельное впечатление. Повидимому, государственная власть в Польше, возглавляемая

ясновельможным паном Пильсудским, очень мало заботится о существовании, а тем более о преуспевании какой-то там стенографии.

О состоянии научно-стенографической мысли в Польше можно судить по следующему анекдотическому факту. В прошлом 1928 г. появился польский учебник стенографии по системе Гуминского. В предисловии к учебнику, подписанном союзом польских стенографов, сообщается, что **вне Варшавы и до появления автора сего учебника — Гуминского — стенографии не существовало вообще, а развитие ее в Польше началось с момента образования великодержавного польского государства.**

Между тем развитие стенографии в Польше началось еще с 1860 г., когда Иозеф Полинский выступил со своей переработкой системы Габельсбергера для польского языка. Сорок лет, т. е. до самой своей смерти, Полинский работал над распространением своей переработки в Польше, но безуспешно. Та же участь постигла и Антона Войнара, ревностного последователя Полинского и основателя журнала «Stenograf polski».

Адвокат Гуминский в 900-х годах переработал систему Штольце применительно к польскому языку. На долю сего предприимчивого адвоката выпал большой успех. После объявления независимости Польши в 1918 г. стенографическая служба польского государственного совета, затем сената и сейма выполнялась стенографами, писавшими почти исключительно по переработке Гуминского.

Имеются еще многочисленные переработки на польский язык различных систем: Штольце-Шрей, Куновского, Дюплуайе, но они почти никакого значения не имеют.

Ныне стенография преподается в Польше только в коммерческих училищах и на специальных стенографических курсах.

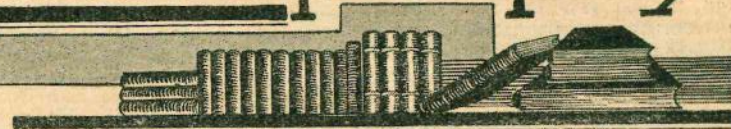
Распространение и применение стенографии в Польше настолько ограничено, что никакой статистики по этому поводу не существует.

ИСПАНИЯ.

В Испании пульс стенографической жизни бьется довольно слабо. Всего каких-нибудь шесть стенографических объединений, охватываемых всеиспанским союзом, три стенографических журнала, — вот и все. В настоящее время выходят: «Acción Taquígráfica» в Валенсии, «La Taquígráfica» в Барселоне и «Mundo Taquígráfica» в Мадриде.

В Испании даже стенографическая жизнь тесно связана с религией. Это не удивительно для страны закоренелого, векового католицизма. У испанских стенографов имеется даже своя небесный покровитель — святой Генезиус, в честь которого в 1926 г. была устроена траурная месса.

Библиография

А. Ф. Скачко. Курс машинописи. Госиздат, Москва, 1929, стр. 68, тираж 5000 экз., цена 1 руб. 50 коп.

Курс машинописи А. Ф. Скачко выгодно выделяется новизной замысла в числе не только русских пособий для изучения машинописи, но и иностранных. Прежде всего, курс Скачко изложен не в книге, а на полукartonных таблицах, что создает значительные удобства при пользовании руководством в учебных заведениях, освобождая от необходимости приобретать большое количество экземпляров. Да и при самообучении удобнее иметь дело с таблицами, чем с книгой.

Затем курс Скачко является первым у нас удовлетворительным самоучителем слепого метода, так как только в этом руководстве уделено серьезное внимание тем методическим указаниям, тем необходимейшим напоминаниям и повторениям, без которых невозможно изучение слепого письма, требующее исключительной аккуратности, точности в исполнении указаний и т. д.

Наконец, известную долю оригинальности заключает в себе принятый автором метод параллельного изучения слепого метода и общей техники письма (знакомство с машиной, использование частей ее и улучшение работы).

Отметив основные крупные достоинства рецензируемого курса машинописи, рассмотрим и недостатки его, часть которых, впрочем, почти не умаляет практического значения руководства.

О ритме автор дает очень неясные указания, по которым учащийся едва ли может получить достаточное представление о том, в чем именно состоит ритмичность письма на машине и каким путем она достигается. Не более понятны указания даны и о гимнастике пальцев.

В руководстве отсутствуют даже самые основные формы деловых бумаг, хотя автор, повидимому, признает, что в действительности нет машинописи без корреспонденции. Объяснение автора, что корреспонденция исключена ради экономии места, трудно признать удовлетворительным, так как деловые тексты и формы могли быть включены в курс при более экономном расположении материала и за счет текстов для развития скорости. Ведь для развития беглости письма можно пользоваться всякими печатными материалами, а изучение корреспонденции по случайным образцам не даст машинистке таких знаний, чтобы в любой момент заменить рядового работника канцелярии, на чем настаивает сам автор.

В описании частей машины приняты за основу Ундервуд и старый Ремингтон, хотя в нескольких местах упоминается о «новом» Ремингтоне, под которым подразумеваются, повидимому, модели довоенные.

Не безукоризненны указания о технике письма. В частности, описано использование селектора при цифровых работах, но ничего не сказано о других важных назначениях его.

Значительны технические недостатки издания. Шрифты подобраны весьма неудачно, почему объяснительный текст от упражнений иногда трудно отличить. Следовало все упражнения набрать шрифтом пишущей машины, что в подобных изданиях считается совершенно необходимым.

Не находят никакого оправдания опечатки в схемах клавиатуры. Литературная обработка оставляет желать лучшего. Очень много таких неудачных выражений, как: «возвращаться пальцем на свое место», «уписать их до конца строки», «остановитесь писать».

Ленинград.

И. Дауман.

Об одном неудачном опыте (Вместо рецензии)

1.

Идея, лежащая в основе работы И. А. Ицксона, заслуживает всяческого поощрения. В наше время умение редактировать приобретает все большее значение для людей самых различных профессий: и для журналистов, и для секретарей, и для самих стенографов.

Если учесть, что до сих пор на русском языке нет никакого специального руководства по редактированию и что самый предмет редактирования не проходит на курсах стенографии ¹⁾, то станет понятен

¹⁾ За исключением Высш. Гос. курсов стенографии в Москве.

интерес, проявленный к труду И. А. Ицксона и вызвавший за 4 года целых 4 издания. К сожалению, в специальной стенографической литературе попытка автора не нашла никакой оценки.

Первое издание представляло собою книжечку, которая должна была служить пособием для стенографов и секретарей («Образцы редактирования. Опыт пособия по обработке речей, докладов и т. п. для стенографов и секретарей». 1926). В маленькой брошюре (32 стр.) было собрано несколько десятков примеров: на одной стороне были расположены образцы «неправильных» фраз и выражений, а на другой — примеры, как надо исправлять и «редактировать». Уже

это первое издание вызывало целый ряд существенных возражений как со стороны методологии построения всей работы (примеры), так и в смысле практического разрешения всей проблемы (множественность способов редактирования и т. п.). Но дальше дело пошло еще хуже.

Второе издание (1927) было увеличено ровно вдвое (64 стр.), но это не пошло ему на пользу. И. А. Ицексон счел необходимым предпослать своей работе несколько слов из теории словесности.

Мы не станем разбирать все ошибки, допущенные на трех страничках. Тут и неправильные определения, и неудачные примеры, и отсутствие необходимых сведений, и т. д. Но основная ошибка книжки, разбитой уже на 11 глав, в неправильном подходе к редактированию. Прежде всего отсутствуют — и это грубейший промах — само понятие редактирования и изложение методов, с помощью которых оно может быть осуществлено. Если внимательно читать, то не трудно заметить, что под редактированием автор понимает, с одной стороны, исправление элементарных ошибок (что неправильно), а с другой — дополнения, производимые тем, кто редактирует (что уже совершенно недопустимо).

Здесь не место говорить о других ошибках (например о словаре) и неправильностях, заметим только, что И. А. Ицексон, как и в первом издании, оставил в образцах «правильного» редактирования фраз (правая сторона) несколько примеров. Таким образом, читатель остается в недоумении: как же все-таки следует редактировать? Если есть много способов, то не означает ли это просто отсутствие определенного способа, отсутствие единого метода?

2.

В последующих изданиях — третьем 1928 г. и четвертом 1929 г. И. А. Ицексон решительно рвет с концепцией своего труда. Меняется само заглавие. Вместо «образцов редактирования» мы видим уже «обработку и фиксирование (?) речей, докладов, протоколов и т. п.». Сама книга значительно распухает. Автор пошел по линии наименьшего сопротивления, увеличивая книгу за счет сырого материала (примеров), вместо того, чтобы дать теоретическое обоснование принципам редактирования и конкретные указания на методологию редактирования.

Надо сказать прямо, что ни о каком редактировании в книге нет и речи, хотя она и называется «Азбукой редактирования». Попрежнему большая часть книги наполнена многочисленными примерами с образцами «правильных» и «неправильных» редакций, при чем автор вводит совершенное нелепые задания, вопросы и ответы и т. п. указания, не только не облегчающие, но прямо затрудняющие того, кто хочет по ним научиться редактированию. Так, мы позволим себе усомниться в целесообразности и нужности таких отделов, как «Ответы на вопросы» (глава 3-я), «Переста-

новка слов» (5-я), «Превращение периода в ряд более кратких предложений» (6-я) и т. п.

Мы лишены возможности из-за недостатка места привести образцы всех нелепостей, которыми наполнена работа И. А. Ицексона, но наиболее характерные примеры все-таки следует указать. Так, на 39 стр. имеется следующий пример: «это есть что-то как вроде доклада» — исправлено: «это есть нечто вроде доклада». В таком роде все примеры «редактирования». Конечно, это не редактирование, а исправление элементарных ошибок. Точно так же неудачны и примеры из других отделов. Такие вопросы, как «каких размеров может быть извлечение» (152 стр.) и ответ — «различных» (там же) или «в каком лице публикуются проекты» (139 стр.) и т. п., конечно, ничего читателю не дают и редактировать его не научат. Можем указать на «вопросы и ответы» на стр. 153, 152, 147 и т. п., и т. д.

Из других недостатков надо указать на наличие такого материала, который ни с какой точки зрения к редактированию отнести нельзя. Это — сообщения о том, как писать протоколы, постановления, отношения и объявления (?!). Что касается отношений, то они составлены в обычном канцелярском стиле: «при сем препровождается», «вверенный вам» и т. п. В четвертом издании этот материал вместе с цифровым обнимает целых 78 стр. (главы 13—17). Попрежнему мало удачен словарь¹⁾.

Подводя итоги, можно отметить, что неудачное и неряшливое исполнение в значительной мере сводит на-нет хороший и достойный похвалы замысел автора. Кроме того, эволюция книги в сторону от действительного редактирования едва ли может считаться правильной. И уже совсем недопустимо так называемое «редактирование по отрывочным записям» (глава 10-я, стр. 81 и сл.), где И. А. Ицексон предлагает «стенографировать» без знания стенографии.

Будет плохо, если пример автора наведет кого-либо на грустные мысли, что вообще нельзя построить теорию редактирования.

Несомненно, такие методы существуют. Их надо только систематизировать, свести в единое целое, а — главное — не расплывать в массу вещей, которые к редактированию никакого отношения не имеют. Надо надеяться, что теоретики стенографии, учтя первый опыт И. А. Ицексона, сумеют найти правильные пути для разрешения этой задачи.

А. Горшков.

¹⁾ «Докладчик — лицо, делающее доклад», «Инструкция — подробное объяснение обязанностей, предлагаемых начальством (!) для точного руководства», «Парадокс — фраза, в которой встречаются несовместимые мысли (?!)», «Стенограмма — написанное стенографически (А расшифрованный текст ?) и т. п. Есть ошибки в начертаниях латинских слов.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Первое и шестое августа	1
Итоги конференции курсов	2

НА КОНФЕРЕНЦИИ-КУРСАХ.

Рационализация госаппарата и повышение квалификации канцелярских работников — доклад т. Селезнева	4
Физиологические и гигиенические условия канцелярского труда — доклад д-ра Бружеса	8
Стандартная клавиатура — доклад тов. Гольцева	12
Три года на пути к унитарной — доклад Р. А. Вексман	15
Лингво-техника и стенография — выступление проф. Л. Жиркова	19
Как преподавать стенографию — доклад Н. И. Крулева	21

ТРУД И БЫТ

С. Коврин. — Третий лишний, или нечестная игра	25
--	----

ПО СССР.

1 Всероссийская конференция-курсы	28
Первые шаги — Калуга, Самара	29
Больше внимания профвредностям — Рязань, Самара, Калуга	31
Вугуруслан, Вологда, Свердловск, Ростов-на-Дону	33

ЗА РУБЕЖОМ.

Мелкие заметки	35
Нужна ли стенография в судопроизводстве?	36
По стенографическим Европам	37

БИБЛИОГРАФИЯ.

А. Скачко — Курс машинописи	39
А. Горшков — Об одном неудачном опыте	39